

15
M-12

СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАЙЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Θεοφιλα Глѣксберга.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ.
1845 Мая 23 дня.

Ценсоръ А. Федотовъ - Чеховскій.

(Цѣна 75 коп. серебр.)

*Въ продолженіе двадцати лѣтъ я собиралъ украинскія народныя пѣсни; и теперь приступаю къ новому, полнѣйшему ихъ изданію. Это изданіе, для отличія отъ двухъ прежнихъ, * я называю Сборникомъ Украинскихъ Пѣсень. Не могу иначе выдать его, какъ по частямъ. Каждая часть будетъ содержать въ себѣ одинъ отдѣлъ пѣсень мужскихъ, и одинъ или два женскихъ. Въ шести частяхъ будетъ помѣщено около двухъ тысячъ пѣсень. Половина ихъ собрана мною самимъ, преимущественно въ Полтавской губерніи. Другая половина ихъ и множество вариантовъ получены мною отъ разныхъ лицъ, со всѣхъ концовъ Южной Руси.** Приношу мою*

** Первое изданіе я напечаталъ въ Москвѣ, 1827 года, подъ названьемъ Малороссійскія Пѣсни; а второе напечатано тамъ-же, 1834 года, подъ названьемъ Украинскія Народныя Пѣсни. Въ первомъ было помѣщено 150 пѣсень мужскихъ и женскихъ; во второмъ 115 пѣсень мужскихъ.—Кромѣ того въ 1854 году я издалъ въ Москвѣ Голоса Украинскихъ Пѣсень (25 пѣсень съ музыкою А. А. Алябьева).*

*** Сюда принадлежитъ и собраніе Рускихъ пѣсень, преимущественно Волынскихъ оставшееся послѣ покойнаго З. Я. Ходаковскаго. Оно куплено мною у его вдовы, и нынѣ находится у меня, какъ въ собственноручномъ подлинникѣ, такъ и въ копіи, переписанной въ Москвѣ, вскорѣ по смерти собирателя.*

благодарность встѣмъ, кто оказалъ мнѣ свое участіе въ этомъ Сборникѣ.

Къ каждому отдѣлу его я прилагаю нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній. При шестой части я изложу особо мои наблюденія и замѣчанія о народномъ пѣснопѣніи рускомъ вообще, и въ особенности о пѣснопѣніи украинскомъ.

Но въ дѣль искусства важенъ судъ художника; и потому я припомню здѣсь моимъ читателямъ мнѣніе Гоголя,* котораго поэтическое дарованіе взлелѣяно звуками украинскихъ пѣсень.

„Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ летописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: поэзія и исторія и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о протекшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи.“

* См. статью Гоголя о Малороссійскихъ Пѣсняхъ, въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1834 г. Кн. 4.

**СБОРНИКЪ
УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ.**

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Думы отъ прочихъ украинскихъ пѣсень отличаются разнообразною, вольною мѣрою своихъ стиховъ, слагающихся изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ, и въ неопредѣленномъ числѣ слоговъ (отъ 4 до 20, и даже больше). Такая *разномѣрность* стиха состоитъ въ связи съ *эпическимъ* свойствомъ украинской думы, которая лишь изрѣдка вдается въ *лирическій* тонъ пѣсни, принимая тогда и опредѣленный, пѣсенный размеръ.

Разномѣрнымъ складомъ стиховъ, украинскія думы отличны и отъ великорусскихъ повѣствовательныхъ пѣсень, и отъ *юнацкихъ* пѣсень сербскихъ, такъ строго выдерживающихъ 10-слоговую мѣру стиха. — Отъ тѣхъ и другихъ украинскія думы отличаются еще *рифмою*, столь привычною для пѣснопѣнія южнорускаго. Рѣдко встрѣчается въ думѣ стихъ безъ отвѣтнаго и созвучнаго ему стиха; чаще бываетъ ихъ по-нѣскольку (до 10) на одну рифму. Зачатки такого склада можно примѣтить въ Пѣсни о полку Игоревѣ, * съ которою украинскія думы состоятъ въ ближайшемъ родствѣ, и посредствомъ которой онѣ примыкаютъ къ древнѣйшему южнорускому пѣснопѣнію, къ сожалѣнію утраченному.

Думы принадлежатъ исключительно украинскимъ *бандуристамъ*, которые и теперь еще встрѣчаются изрѣдка на лѣвой

* Наприм. въ слѣдующихъ стихахъ, вѣроятно Бояновыхъ:

„Всеславъ князь людемъ судяше,

Княземъ грады рядяше,

А самъ въ ночь вълкомъ рыскаше.“

сторонѣ Днѣпра.* Подобно рапсодамъ древней Греціи, которые воспѣвали своихъ героевъ, бряцая на струнахъ лиры или пандуры,—наши южнорускіе пѣвцы, обыкновенно слѣпые старцы, пѣли и теперь еще поютъ въ народѣ свои думы и пѣсни, играя при томъ на многострунной *бандурѣ*, обѣими руками. Такъ и нашъ „соловей стараго времени — Боянъ: не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ; но свои вѣщи персты на живыя струны вскладаль; и онѣ сами славу князьямъ рокотали!“

Южнорускіе пѣвцы, и черезъ четыре вѣка послѣ Бояна**, славили подвиги храбраго *товариства* козацкаго и украинскихъ витязей, между которыми были и князья рускіе, какъ на примѣръ, князь Дмитрій Вишневецкій, погибшій такою дивною смертію въ Царѣгородѣ (1574 года), и воспѣваемый въ народѣ донынѣ—подъ именемъ рыцаря Байды.

Вѣка 16-й и 17-й были временемъ процвѣтанія украинской думы. Въ прошломъ вѣкѣ, только Палѣй съ Мазепою—послѣ Полтавской побѣды, да Желѣзнякъ—послѣ Колѣвщины (1768 года)—отозвались слабо въ стихахъ думныхъ; хотя пѣсня украинская жила еще производительно до конца 18-го вѣка. Послѣ того, на усталыхъ струнахъ украинской бандуры, повторялось только прежнее, иногда съ передѣлкою на новый ладъ.

Впрочемъ, историческія лица и воинскіе подвиги составляли хотя главный, но не единственный предметъ украинской думы. Любила она и семейную жизнь; и нерѣдко воспѣвала отношенія и чувства родственныя, въ поученіе своему народу.

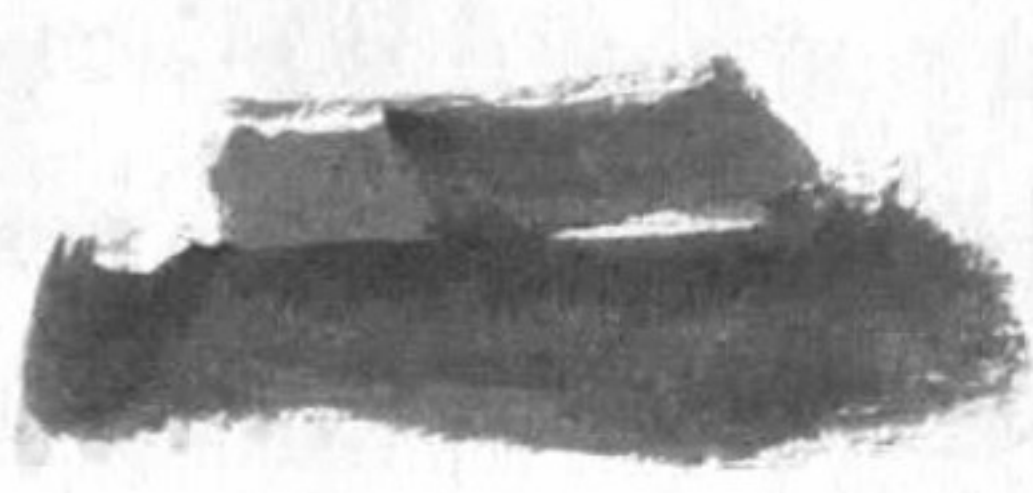
* На правой сторонѣ Днѣпра, вмѣсто бандуристовъ, ведутся *лирники*.

** Боянъ, воспѣвавшій Всеслава Полоцкаго и другихъ князей, жилъ въ концѣ 11-го и въ началѣ 12-го вѣка (былъ современникъ Нестора).

Украинскій бандуристъ не былъ забавникомъ и скоморохомъ. Потѣшивъ иногда молодѣжь краткимъ сказаньемъ объ удали козацкой, онъ внушалъ ей простодушныя, но глубоко-нравственныя понятія о томъ, что составляетъ святой долгъ человека. Строгая, иногда до суровости, дума бандуриста чуждалась даже любви между козакомъ и дѣвицею.

Впрочемъ народъ самъ былъ пѣвецъ; и въ тысячахъ пѣсень высказывалъ свою любовь и нелюбіе, свою радость и горе, свою тоску и веселье. Но пѣніе бандуристовъ служило дополненіемъ къ пѣснопѣнію народа, — также какъ оно само составляетъ необходимое дополненіе къ будничной, рабочей жизни народа. Эта жизнь безъ пѣсни — была бы какъ *вошь молотящій*. И не потому ли у рускаго народа жить хорошо называется *жить припѣваючи*! —

Въ книжномъ свѣтѣ, украинскія думы стали извѣстны 1819 года, когда князь Цертелевъ издалъ девять думъ и одну пѣсню, подъ названьемъ: *Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней*. Послѣ того Срезневскій, въ своей *Запорожской старинѣ* (1833-34 г.), и другіе Малороссіяне, издали еще около десяти думъ. Мнѣ извѣстно ихъ до 50. Здѣсь помѣщаются слѣдующія 20 думъ. Тѣ, которыя нигдѣ не напечатаны, означены звѣздочкою. —

-
1. Отъѣздъ козака изъ родины.
 2. Тоска сестры по братѣ.
 3. Невольники.
 - * 4. Схватка козака съ Татаринномъ.
 - 5 Козакъ Голота.
 - * 6. Три брата.
 7. Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.
 8. На смерть атамана Федора Безроднаго.

9. На Черноморскій походъ гетмана Серпяги (1577 г.)
 10. На возвращеніе изъ плѣна Самойла Кушки (1588 г.)
 11. Черноморская буря.
 12. На побѣду Чигиринскую (1596 г.).
 13. Походъ на поляковъ (1637 г.).
 14. О Хмельницкомъ и Барабашѣ (1647 г.).
 - *15. На побѣду Корсунскую (1648 г.).
 16. На походъ Хмельницкаго въ Молдавію (1649 г.).
 - *17. Объ Украинцахъ послѣ Бѣлоцерковскаго мира (1652 г.)
 18. На смерть Хмельницкаго (1657 г.).
 19. Объ Иванѣ Коновченкѣ (1684 г.).
 20. О Палѣѣ и Мазепѣ (1709 г.).
-

1.

*Отъздъ козака изъ родины.*¹

Въ недѣлю рано-порано не во всѣ дзвоны дзвонили,
Якъ у вдовинѣмъ дому гомонѣли.

Лихій вѣтчимъ козаченька молодого лае;

Мати сыну слѣзно промовляє:

„Иди ты, сыну, мѣжъ чужій люде,

Чи не лучче тобѣ на чужинѣ буде!

Нехай тебе чужій батько, сыноньку, не лае,

Счастя твого козацького навѣкъ не збавляє!

Тяжко, тяжко менѣ тебе зъ дому одправляти,

Аще тяжче бѣля себе въ знегѣдѣ держати!

Хочъ пойдешъ ты на чужину, слѣзы менѣ лити;

Хочъ зоставлю тебе, сыну, по всякъ часъ тужити!“²

То старшая сестра коненька выводитъ,

А середульша зброю выноситьъ,

Що найменьша рыдае,

Словами промовляє:

„Изъ якої тебе, брате,

Сторононьки ждати:“²

1. На этотъ предметъ, столь обыкновенный и вмѣстѣ столь значительный въ прежней Украинѣ, сложено множество пѣсень. Одна изъ нихъ (*Гомѣнь гомѣнь по дубровѣ...*) сходна съ этою думою; но которая изъ нихъ послужила образцомъ, рѣшить трудно.

2. Эти три сторононьки означены здѣсь вслѣдствіе любимаго

Чи одъ чистого поля,
 Чи одъ Чорного моря,
 Чи одъ славного Запорожя? “

— Вѣзьми ты, сестро, жовтого пѣску,
 Да посѣй ты, сестро, на бѣлому камнѣ: ³
 Коли буде жовтый пѣсокъ виростати,
 Зеленымъ барвѣнкомъ камѣнь устилати, ⁴
 Въ той часъ буду, сестро, до васъ прибувати!
 Бо якъ тяжко на безвѣдьѣ рыбѣ пробувати,
 Такъ тяжко на чужинѣ безрѣдному проживати! “

То тее промовлявъ, на коня сѣдавъ, опрощенье
 пріймавъ;
 Смутно зъ двора отцевського козакъ выѣзжавъ.
 Довго воны на могилѣ край села стояли;
 Довго, довго козаченька вѣчми проважали;
 А ще довше воны ёго дома оплакали.

въ народной русской поэзии представленія о *трехъ дороженькахъ*;
 (да и въ отношеніи къ другимъ предметамъ, число *три* господ-
 ствуетъ въ поэзии украинской).

3. Какъ поэтически этимъ *постъвомъ* выражена невозвратность!
 Подобное изображеніе несбыточности— другими предметами, встрѣ-
 тимъ не разъ въ пѣсняхъ украинскихъ.

4. *Барвѣнокъ* (vínca), которому присвоено названіе *хреца-
 таго* и *зеленаго*, стелется по землѣ на все четыре стороны,
 и отличается густою, постоянною зеленью своихъ листьевъ. Это
 одно изъ любимѣйшихъ растений на Украинѣ, играющее важную
 роль въ народныхъ обрядахъ, и составляющее собою символъ
вѣрности и постоянства.

2.

Тоска сестры по братъ.

Не сизая зозуленька въ темнѣмъ лузѣ ковала,⁵
 Не дрѣбная пташка въ саду щебетала;
 Сестра зъ братомъ издалика розмовляла,

Поклонъ посылала.

„Братѣку мѡй милый,
 Якъ голубонько сизый!

Прійди до мене изъ чужой стороны;
 Посѣти мене при лихой годинѣ!“

— Сестро моя рѡдненька,
 Якъ голубонька сизенька!

Якъ я маю прибувати,
 Тебе навѣщати,
 За темными за лѣсами,
 За дальными за степами,
 За быстрыми за водами? —

„Черезъ темный лѣсъ—яснымъ соколомъ лети;⁶
 Черезъ быстрый воды—бѣлымъ лебедемъ плыви;

5. *Зозуля* (кукушка) — птица сиротствующая въ самой природѣ, лишенная радости насживать свое гнѣздо—составляетъ издревле въ народной русской поэзіи символъ *сиротства* и *родственной негали*. Въ украинскомъ пѣснопѣніи она является непрестанно, какъ олицетворенная печаль матери по сынѣ, сестры по братѣ, жены по мужѣ, и т. д. Въ народномъ повѣрьи кукушкѣ придано еще свойство *вѣщеванья* и *прорицанья*.

6. Народная поэзія любитъ изображеніе своихъ предметовъ живыми предметами природы. — Нельзя не указать въ этой думѣ на

Черезъ степы далекій — перепелочкомъ бѣжи;
 На моёмъ, брате, подвѣрьѣ — ты голубонькомъ пади,
 Добре слово взговори,
 Мое сердце сиротское звесели!
 Чужій, брате, сестры зъ дому Божого идутъ,⁷
 Всѣ какъ бджѳлочки гудутъ,
 На хлѣбъ, на сѳль людей закликаютъ;
 Мене - жъ, брате, словомъ не занимаютъ,
 Мовъ въ вѳчи не знаютъ!
 А какъ коли - сь зъ нами хлѣбъ - сѳль поважали....
 Въ той часъ кумами, побратимами звали!
 А какъ пристигла несчастна година,
 Названа и крѳвна одреклась родина!⁶

3.

Невольники.

У святу недѣлю, не сизы орлы заклекотали,
 Якъ то бѣдны невольники у тяжкѳй неволѣ запла-
 кали,

уподобленіе козака нѣсколькимъ птицамъ, сообразно различнымъ мѣстамъ, по которымъ онъ стремится (въ воображеніи его сестры). Это напоминаетъ то мѣсто въ Пѣсни о полку Игоревѣ, гдѣ — „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду... и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами.“

7. Въ праздники всего живѣе чувствуется наше сиротство на родинѣ и безродье на чужбинѣ. Потому украинская поэзія, для изображенія разлуки, осиротѣнія и подобныхъ положеній, избираетъ обыкновенно праздничный день — *святу недѣлю*.

Угóру руки пóддѣмали, кайданами забряжчали;⁸
Господа милосердного прохали да благали:

„Подай намъ, Господи, зъ неба дрóбенъ дожчикъ,

А зъ низу буйный вѣтеръ!

Хочай-бы⁹ чи не встала на Чорному морю быстрая
хвиля;

Хочай-бы чи не повырывала якорóвъ зъ турецькой
каторги!¹⁰

Да ўже ся намъ турецька - бусурманська каторга
надо́бла:

Кайданы - залъзо¹¹ ноги поврывало,

Бѣле тѣло козацьке молодецьке коло жóвтой ко-
стѣй пошмугляло!“

Баша турецькѣй бусурманскѣй,

Недовѣрокъ христѣянскѣй,

По рынку вѣнъ похожае;

Вѣнъ самъ добре тѣе зачувае;

На слуги свой, на Турки - янычаре зó - зла гукае:

„Кажу я вамъ, Турки-янычаре, добре вы дбайте,

Изъ ряду до ряду захожайте,

8. Извѣстно, какъ много перенесла страданій Южная Русь въ преж-
нѣе вѣка. Тысячи народа ея, непрестанно уводимыя въ полѣнъ
Татарами, томилась въ тяжкой неволѣ въ Крыму и въ обѣихъ Тур-
ціяхъ. Освобожденіе невольниковъ силою оружія и выкупъ ихъ
деньгами — считались на Украинѣ святымъ дѣломъ, на которое и
бандуристы вызывали своими думами.

9. *Хочай* — хотя; *агѣй* — авось, можетъ быть.

10. Слово *каторга* собственно означало галеру, на которой
работали невольники и преступники.

11. *Кайданы* (съ арабс.) — кандалы. *Залъзо* — желъзо.

По три пучки тернины и червонои таволги ¹² набі-
райте,
Бѣдного невольника по - тричи въ однѣмъ мѣсцѣ
затинайте!

То тѣ слуги, Турки - янычаре, добре дбали,
Изъ ряду до ряду захожали,
По три пучки тернины и червонои таволги у ру-
ки набірали,
По - тричи въ однѣмъ мѣсцѣ бѣдного невольника
затинали;
Тѣло бѣле козацьке молодецьке коло жовтои ко-
сти обвивали,
Кровь християнську неповинно проливали. —
Стали бѣдны невольники на собѣ кровь християнсь-
ку забачати,
Стали землю турецьку, вѣру бусурманську клясти
проклинати:

„ Ты, земле турецька, вѣро бусурманська,
Ты розлуко християнська!

Не одного ты розлучила зъ отцемъ, зъ матѣрью,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вѣрною жоною!

Вызволь, Господи! всѣхъ бѣдныхъ невольникѣвъ
Зъ тяжкой неволі турецькой,
Зъ каторги бусурманської!

На тихій вѣды,

На ясны зорі,

12. Таволга—прибрежный гибкій кустарникъ (собственно *spiraea*).

У край веселый,
 У міръ хрещеный,
 Въ города христiянскiй!
 Дай, Боже! міру царьскому,
 Народу христiянському,
 Славу на многи лѣта! —

4.

*Схватка съ Татаринѡмъ.*¹³

Ой дѣ-сь, ой дѣсь¹⁴ за Килимомъ - городомъ коза-
 ченько гуляе;
 А зъ Килима - города Татаринъ поглядае.
 Загадавъ Татаринъ Татарцѣ пару коней сѣдлати,
 Да того козаченька доганяти.
 Якъ выбѣгъ Татаринъ, старый бородатый,
 На розумъ небагатый,
 Выбѣгъ того козаченька доганяти.
 „Ты козаченьку молодой,
 Пѡдъ тобою кониченько вороный!
 Колибъ я тебе пѡймавъ,

13. Удалой козакъ уходитъ отъ Татарина, отбиваясь отъ него карбагемъ (нагайкою); а между тѣмъ готовитъ ему пули, и давъ ему этотъ *гостинецъ* (такъ выражались встарину козаки; см. въ думѣ 10-ой), смѣется надъ его глупою похвалбою, что онъ козака еще не поймалъ, а ужъ и деньги за него сосчиталъ!

14. *Дѣ-сь*—гдѣ-то. *Килимъ*, безъ сомнѣнiя, значитъ *Килию*, городъ при устьѣ Дуная, гдѣ сложилъ свою голову одинъ изъ первѣйшихъ героевъ Козаччины — гетманъ Свирговскiй.

Ябъ тебе у Килимъ - городъ запродавъ ,
И срѣбныйй за тебе гроши побравъ !“

А козаченько оглядається ,

И карбачемъ одбивається.

„Ой ты Татаринь , старый бородатый ,
Да на розумъ небагатый !

Ты мѣжъ козаками не бувавъ ,

И козацькой каши не ѣдавъ ,¹⁵

И козацькихъ жартѳвъ не знаешъ....¹⁶

Де-сь у мене бувъ зъ кулями гаманъ ;

Яжъ тобѳ гостинця дамъ.“

Якъ ставъ ёму гостинцѳй посылати ,

Ставъ Татаринь зъ коня похиляти.

„Ой ты Татаринь , старый бородатый ,

Да на розумъ небагатый !

Ище ты мене не поймавъ ,

Да ўже въ Килимъ - городъ запродавъ ,

И срѣбныйй за мене гроши побравъ !

Отъ-теперь твоего одного коня вороного

Поведу до шинкарки пропивати ,

А другимъ твоимъ конемъ воронымъ

По Килиму-городу гуляти !

Ой гуляти , гуляти , гуляти ,

Да единого Бога споминати !“

15. Это присловье козацкое : „ Не пивъ воды дунайской ; не ѣвъ каши козацькон. “

16. Жарты — шутки.

17. Куля — пуля ; гаманъ — кожаный 4-угольный плоскій кисеть.

5.

Козакъ Голота. ¹⁸

Да на Саворъ-могилѣ⁹ гулявъ козаченько, гулявъ,

Да ниякого дива не видавъ.

„Ой долино - ялино! скѣльки я по тобѣ гулявъ,

Да ниякого дива не видавъ!“

Ой на полѣ на Киліянськѣмъ

На шляху на Ордынськѣмъ,²⁰

То не ясный соколь лѣтае,

То козакъ Голота сердечный добрымъ конемъ гуляе.

Ой ставъ Татаринъ къ ёму пріѣзжати,

Порошку на полку насыпати;

Сердечного козака Голоту сѣче да рубаетъ;

Голота нагайкою стрѣлы одбиваетъ.

18. Вотъ еще подобная схватка. Козакъ отбивается нагайкою отъ пуль или стрѣлъ Татарина, и осмѣиваетъ его съ головы до ногъ, уже не по разуму, а по одѣжѣ его; между тѣмъ и самъ козакъ—*голта* (голытьба). Впрочемъ это имя могло быть фамиліей козака. При началѣ войнъ Хмельницкаго, былъ козацкій полковникъ *Голота*, убитый въ Сентябрѣ 1649 г.

19. Южная Русь съ незапамятныхъ временъ усѣяна курганами или могилами, памятниками древнѣйшихъ ея обитателей. Многія украинскія могилы поминаются и въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, на прим. *Чорная, Перепетовы*. Въ украинской поэзіи представительницею степныхъ могилъ избрана *Саворъ-могила*, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ-то невдалекѣ р. Самары (см. дума 7).

20. Ненагулявшійся на Саворъ-могилѣ козакъ, отправился на знаменитое поле *Киліанское*, по дорогѣ *ордынской* (между Днѣстромъ и Дунаемъ).

„Гей ты, Татарюго, сѣдый бородатый,
На що ты ўповаешъ?

Чи на свою шапку - бирку,
Що шóвкомъ шита,
Вѣтромъ пóдбита,
А зверху дѣрка? ²¹

Чи на свой постолы бобровы,
Що волóки шовковы,
Въ - однóсталь зъ валу? ²²

Чи на свою сермягу семилатную? ²³
Гей старый бородатый,
Да кому Богъ поможе! „.....“ ²⁴

„Ой ты Саворъ - могило! скóльки я гулявъ,
Да такой добычѣ не добувавъ!“

21. Шапка *бирка* — смушковая, овчинная. Она съ дыркою сверху: отъ того и *вѣтромъ подбита!*

22. *Постолы* — кожаная обувь, въ родѣ лаптей; завязки на нихъ называются *волóками*. Въ насмѣшку названы постолы *бобровыми*; а волóки — *шелковыми*; между тѣмъ какъ онѣ изъ простаго несученаго *валу* (т. е. нитки, спряденной изъ охлопковъ), *Въ-однóсталь* значитъ въ одну *сталку*; а *стáлкою* называется каждая простая нитка, и каждая изъ тѣхъ бичевокъ, изъ которыхъ свита веревка.

23. *Сермяга* (слово общерусское) означаетъ свиту сѣраго сукна. *Семилатною* называется шуточно изношенная свита въ *латкахъ* (т. е. въ заплатахъ). Есть и пословица: „на свитѣ стóлько лать, якъ у селѣ хать.“

24. Здѣсь подразумѣвается, что козакъ, съ помощью Божіей, полонить Татарина, и приводитъ въ козацкій таборъ.

„Прошу я тебе, братіку мій рідненькій,
Якъ голубонько сивенькій!

Добре ты учини:

Хочь изъ рѣчки Самарки,
Або зъ крыницѣй Салтанки,
Холодної воды зайди,

Раны мій постріляны да порубаны окропи, охоло-
ди!“

То середульшій братъ тее зачуває,
До ёго словами промовляє:

„Братіку мій рідненькій,
Якъ голубонько сивенькій!

Чи ты менѣ, брате, вѣры не доймаешъ,

Чи ты мене на смѣхъ пѣдѣймаешъ!

Чи не одна насъ шабля порубала?

Чи не одна насъ куля постріляла?

Що маю я на собѣ девять ранъ — рубаны широкі,
А чотырї стреляны глыбокі!

Такъ мы дѣобре, брате, учинѣмо,

Свого найменьшого брата попросѣмо:

Нехай найменьшій братъ добре дбае,

Хочь на вкѣлѣшки вставае,

Вѣйськову сурѣмку въ головахъ достягае,²⁶

У вѣйськову сурѣмку добре грае, програваетъ;

Нехай бы насъ стали странні козаки зачувати,

До насъ дохожати, смерти нашої доглядати,

Тѣло наше козацьке молодецьке въ чистѣмъ полѣ
поховати!“

26. Сурѣмка или сурма (съ персид. сурна) — труба.

То найменьшій братъ тее зачувае,
 До старшихъ братѣвъ словами промовляє:
 „Братѣки мой рѣдненькѣ,
 Якъ голубоньки сивенькѣ!
 Не есть се насъ шабля турецька порубала;
 Не есть се насъ куля янычарська постреляла:
 А есть се отцева й панѣ - мѣтчина молитва пока-
 рала!
 Якъ мы увъ охотне вѣйсько одъ отця одъ матерѣ
 одъ роду одъѣзжали,
 Мы зъ отцемъ зъ матерью и зъ родомъ опрощенья
 не брали!
 А якъ противъ церкви, дому Божого, проѣзжали,
 Мы шапокъ зъ головы не знімали,
 Милосердного Бога на помочъ не прохали!“

7.

*Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.*²⁷

Изъ города изъ Азова, не великѣй туманы вставали:
 Три брата рѣдненькихъ зъ тяжкой неволѣ ѣтѣкали.
 Два кѣнныхъ, третѣй пѣшѣй за ними пѣдбѣгае;
 На сырѣ корѣнья,
 На бѣле камѣнья,
 Нѣжки свой козацкѣй посѣкае,

27. Вотъ еще дума о трехъ братьяхъ, прекрасная по живому изображенію внѣшней природы и внутреннихъ движеній душевныхъ.

Кровью слѣды заливає;
 До кѣнныхъ братѣвъ добѣгае;
 Словами промовляє:

„Станьте вы, братця! кѣней попасѣте,
 Мене подождѣте,
 Съ собою вѣзьмѣте,

До городѣвъ христіянськихъ подвезѣте!“

То середульшій тее зачувавъ, старшого пытавъ;

То старшій ёму словами промовлявъ:

„Чи щѣ-жъ тобѣ не далася тяжкая неволя знати?

Якъ будемъ мы брата дожидати,

Буде насъ погоня доганяти,

Буде насъ стреляти, рубати;

Або въ тяжкѣй работѣ будемъ пропадати!“

„Коли-жъ мене, братця, не хочете ждати —

Ставъ меньшій промовляти:

То прошу васъ, братця, на праву сторону звер-
 тайте,

Шабліи изъ похвѣ²⁸ вынимаите,

Тѣло мое порубайте,

Въ чистѣмъ степу поховайте,

Звѣру да птицѣ на поталу²⁹ не дайте! —

То середульшій тее зачувавъ,

Словами промовлявъ:

„Сѣго, брате, зроду нигдѣ не чували,

Щобъ рѣдною кровью шабліи обмывали,

Або гострымъ списомъ²⁸ опрошенье брали!“

28. *Похва* — ножны. *Списъ* — копье.

29. *Потала* — съѣденіе; обида, напасть.

„Коли-жъ не хочете, братця, мене рубати;
 То прошу васъ, братця, якъ будете до байракѣвъ³⁰
 прибувати,
 Терновы вѣтки въ запѣлье рубайте,
 Менѣ признаку покидайте!“ —

То ўже два козаки въ байраки вѣзжае;
 Середульшій братъ милосердіе мае:
 Верховѣтя у тернѣвъ стинае,
 Меньшому брату примѣту покидае.
 А якъ стали на Муравскій шляхъ³¹ выѣзжати,
 Нѣчимъ ёму признаки покидати;
 Вѣнъ червону китайку съ - пѣдъ жупана выдирае,
 По шляху роскидае,
 Меньшому брату примѣту оставляе.
 То якъ ставъ пѣщеходецъ изъ тернѣвъ выходити,
 Ставъ червону китайку находити:
 У руки хапае, дрѣбными слѣзами обливае.
 „Недурно,³² промовляе, червона китайка по шля-
 ху валяе;
 Мабуть мойхъ братѣвъ на свѣтѣ немае!
 Мабуть за ними зъ города Азова погоня вставала,
 Меце въ тернахъ на спочивѣ минала,

30. *Байракъ* — буеракъ. Многіе изъ тѣхъ байраковъ извѣстны издавна съ собственными именами, на прим. *Кощь-бойракъ* (въ Книгѣ Большаго Чертежа).

31. *Муравскій шляхъ* — главная дорога изъ Крыма на Русь; шла отъ Перекопа на Ливны и Тулу (см. въ Книгѣ Большаго Чертежа).

32. *Недурно* — недаромъ.

Братѣвъ мойхъ доганяла,
 Стреляла, рубала!
 Колибъ менѣ Богъ
 Милосердный помогъ
 Тѣло козацьке знаходити,
 Въ чистѣмъ степу хоронити!“

Що одно безвѣдье,
 Друге безхлѣбье,

Трете буйный вѣтеръ въ полѣ повѣває,
 Бѣдного козака изъ нѣгъ валяе.

„Ой годѣжъ менѣ за кѣнными братами уганяти;
 Часъ менѣ козацькимъ ногамъ пѣльгу³³ дати!“

То тее промовлявъ, до Саворѣ-могили прибувавъ,

Пѣдъ Саворѣ-могилою спочивавъ.

Въ той часъ сизы орлы налѣтали,

Пильно³⁴ въ очѣ козаковѣ заглядали.

Козакъ тее забачае,

Словами промовляе:

„Орлы сизопѣры,

Гостѣ мой милы!

Прошу я васъ тогдѣ налѣтати,

Зъ лоба очѣ менѣ высмыкати,³⁵

Якъ не буду я свѣта Божого видати!“

То тее промовлявъ,

За часъ, за годину, милосердному Богу душу оддавъ.

33. *Пѣльга* — льгота (также подкладное бревно для скатки колоды).

34. *Пильно, спильна* — пристально.

35. *Смыкати* — дергать.

Тогдѣ орлы налѣтали,

Зѣ лоба очі высьмыкали.

Тогдѣ ще й дрѣбна птиця налѣтала,

Коло жовтой кості тѣло оббѣрала.

Вовки - сѣроманьці³⁶ набѣгали,

Тѣло козацьке рвали,

По тернахъ, по балкахъ³⁷ жовту кѣсть жваковали,

Жалѣбненько квилили, проквляли:

Тожъ воны козацькій похорони одправляли!

Дѣ-ся взялась сиза зозуленька;

Въ головкахъ сѣдала, жалѣбно ковала;

Якъ сестра брата, або мати сына, оплакала.—

Стали кѣнны браты до городѣвъ христіянськихъ
доѣзжати;

Стала къ ѣхъ сердцямъ велика туга налягати.

То середульшій братъ до старшого брата словами
промовляе:

„Недурно къ нашимъ сердцямъ важкая туга на-
лягае:

Мабуть нашого брата живого на свѣтѣ немає!

Якъ будемо, брате, до отця й матері прибувати,

Якъ будуть воны насъ пытати,

То що станемо казати?“

То старшій братъ тее зачуває,

До середульшого словами промовляе:

36. *Сѣроманецъ* — сѣрякъ (названіе, придаваемое волку).

37. *Балка* — степной оврагъ.

„ Скажемъ : не ў одного пана въ неволѣ бували,
 Ночной добы ³⁸ зъ неволі ѣтѣкали,
 Его сонного будили не збудили,
 Тамъ ёго въ неволѣ ѣ зостановили ! “

То середульшій братъ тее зачувае,
 До старшого брата словами промовляє :
 „ Якъ не будемъ отцю ѣ матері правды казати,
 То буде насъ отцевська ѣ мäterиньська молитва
карати ! “
 Тогдѣ старшій браты на поля Самарськї выѣзжа-
ють,
 Надъ рѣчкою Самарською опочивку собѣ мають,
 Кóней попасаютъ.

Въ той часъ безбожный бусурманы набѣгали,
 И тихъ двоухъ братóвъ порубали ;
 Тѣло козацьке карбовали , ³⁹
 Въ чистóмъ полѣ роскидали,
 Гóловы на шаблї здыймали,
 Довго глумовали ! “

38. *Доба* — пора, время.

39. *Карбовати* — рубить, пластать.

40. *Глумовати* — насмѣхаться, потѣшаться.

8.

*На смерть атамана Безроднаго.*⁴¹

По-надъ сагою⁴²

Днѣпровою

Молодой козакъ обѣдъ обѣдае;

Не думаетъ, не гадаетъ,

Що на ёго молодого,

Ще й на чурю⁴³ малого,

Бѣда настигае.

То не вербы луговойъ зашумѣли,⁴⁴

Якъ безбожны ушкалы налетѣли;⁴⁵

Хведора Безрѣдного,

Отamana курѣнного,

Постреляли, порубали,

Тѣльки чуры не поймали.

То малый чура до козака прибываетъ,

41. Во время гетмана Богданка, Безродный служилъ войсковымъ писаремъ (1575-77). Онъ зовется и Федоромъ, и Фомою; но эта разница въ личномъ имени не большая важность. Подобныя разнорѣчія не рѣдки: самъ гетманъ Богданко встрѣчается въ разныхъ писаніяхъ подъ именемъ Федора и Якова; гетманъ Скалозубъ въ исторіи названъ Демьяномъ, а въ думѣ 10-й Семеномъ.

42. Сага — заливъ.

43. Чура или джура — оруженосецъ. При козацкихъ старшинахъ бывали безотлучные, вѣрные до послѣдняго конца оруженосцы, изъ молодыхъ козаковъ.

44. Верба, съ ея поникшими вѣтвями и листьями, составляетъ для украинской поэзіи символъ *печали* и *горя*; шумъ вербы знаменуетъ разлуку, смерть.

45. Ушкалы — разбойники.

Раны ёму глыбокій промывае.

То козакъ ёму промовляе :

„ Чуро мѡй, чуро,

Вѣрный слуго!

Пѡйди ты степѡмъ

По - надъ Днѣпромъ ;

Послухай ты, чуро : чи то гуси кричатъ,

Чи лебедѣ ячатъ,

Чи ушкалы гудуть,

Чи може козаки Днѣпромъ идуть ?

Коли гуси кричатъ, або лебедѣ ячатъ—то сжени;

Коли ушкалы гудуть — мене схорони ;

Коли - жъ козаки идуть, то обьяви,

Нехай воны човны ⁴⁶ до берега привертають,

Мене Хведора Безрѡдного навѣщають!“

То чура малый по берегу пробѣгавъ,

Козакѡвъ забачавъ,

Шапкою махавъ, словами промовлявъ :

„ Панове - молѡдцѣ! добре вы дбайте,

Човны привертайте,

До отамана курѣнного поспѣшайте!“

То козаки тее зачували,

До берега привертали,

Отамана навѣщали.

Тогдѣ козакъ чуру выхваляе,

Словами промовляе ;

„ Чуро мѡй чуро,

Вѣрный слуго!

46. Човенъ — челнь.

Коли ты будешъ вѣрно пробувати,
Будуть тебе козаки поважати!“

То тее промовлявъ,
Опрошенье зо всѣми бравъ,
Милосердному Богу душу отдавъ.

Тогдѣ козаки шаблями суходолъ⁴⁷ копали,
Шапками, приполами персть выймали,
Хведора Безродного ховали,
Въ семипяднѣй пищали гремали,
У сурѣмки жалобно выхваляли:

„То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вѣйска козацького не ўмѣрала!“⁴⁸

9.

*О Черноморскомъ походѣ гетмана Серяги.*⁴⁹

Ой по Чорному да по глыбокому моречку,
По тихому да по далекому Дунаечку,

47. *Суходолъ* — сухая земля.

48. Замѣчательно это краткое, но поэтическое изображеніе похорошь и поминки куреннаго атамана. Для козака тяжела казалась смерть одинокая, безъ присмотра и безъ грусти отъ своихъ.

„Ой не дай же, Боже, на чужниѣ умерти,
Тамъ нѣкому доглянути козацькой смерти.
Тѣльки воронъ - воронъ прилетитъ до тебе,
Да й сяде на тебе, да поклюе тебе!“

49. Черное море, знакомое Южной Руси еще со временъ Аскольда и Олега, — было поприщемъ для отваги козацькой. Пускаясь на него, въ своихъ *дубахъ* и *сайкахъ*, Запорожцы перѣдко осаждали берега Крыма, давали знать себя и Варнѣ, и Синопу съ Трапезон-

Злая буря выхожае, выступае,
 Козакѡвъ до землѣ чужой проважае.
 А изъ низу буйный вѣтеръ вѣе, повѣвае;
 А по Чорному моречку супротивная хвиля вста-
 вае,
 Да по Чорному морю вовкомъ - сѣроманцемъ лае й
 гукае. —

Зобралися козаки товариши
 Всѣ хоробрый Запорозці
 Про тую бурю мирковати,⁵⁰
 Тихой погодоньки по - надъ синѣмъ моремъ - дуна-
 емъ пѡдждати.

Одну годину пѡдждали,
 Другую пѡдждали;
 А злая буря все бѡльшь выступала,
 Да й нѣ трошки⁵¹ по Чорному морю глыбокому,
 По Дунаечку далекому да широкому,
 Тая буря не унѣмала;
 А все злѣйшь громомъ по небу тарахтала,
 Да блискавкою⁵² мѣжь хмарами блискала. —

томъ. Морскими походами особенно прославился гетманъ Богданко (около 1575 г.). Преемникъ его *Иванъ Серпяга* или *Подкова* (такъ прозванный потому, что онъ могъ руками переломить двѣ подковы вмѣстѣ), во время своего гетманства въ 1577 году, также воевалъ по Чорному морю.

50. *Мирковати* — совѣщаться.

51. *Трѡхи, трѡшки* — мало, немножко.

52. *Блискавка* — молнія.

От - тогдѣ гетьманъ Ивасенько Серпяга
 Козакѣвъ товаришѣвъ до себе пѣдзываетъ,
 До козакѣвъ товаришѣвъ такъ и такъ промовляетъ:
 „Ой вы, панове, рѣднѣй мой братця,
 Хоробрѣй мой товариши кезаки - Запорозцѣй!

Слухомъ нѣколи не слыхано,

Да й видомъ нѣколи не видано,

Щобъ такая буря злая на козакѣвъ такъ мѣцно
 выступала й уставала,
 Щобъ такимъ громомъ - блискавкою тарахтала й
 блискала,

Да щобъ вы, панове козаки товариши, ось - такъ
 довго - довгенько стояли,

Тихой погодоньки бѣля⁵³ моря пѣджидали!“

А козаки тее зачували,

Да й усѣ замовчали. —

„Колижъ мы той бусурманщины лякалися?⁵⁴

Колижъ таки мы одъ ей де-нѣ-будъ ховалися?

А теперечка, не то щобъ бусурманщины,

А то не то бурѣй излякалися;

Тихой погодоньки пѣджидаючи,

Да на злую й лихую бурю жалуючи,

Изовсѣмъ надорвалися!“

А козаки тее зачували,

Да й усѣ мѣвчки замовчали;

53. *Бѣля* — подлѣ, возлѣ.

54. *Лякъ* — испугъ, *лякати* — пугать.

10.

О Самойлѣ Кушкѣ.⁵⁹

I. Отплытіе галеры изъ Трапезонта въ Крымъ.

Ой изъ города изъ Трапезонта выступала галера,
Трѣма цвѣтами процвѣтана, малѣвана.

Ой первымъ цвѣтомъ процвѣтана —

Златосинѣми киндяками побивана;

А другимъ цвѣтомъ процвѣтана —

Гарматами арештована;

Третѣмъ цвѣтомъ процвѣтана —

Турецкою бѣлою габою⁶⁰ покровена.

59. Только по письму храбраго Сѣрка къ крымскому хану (23 Сент. 1675 г.) было извѣстно, что кошевой атаманъ или гетманъ Самойло Кушка воевалъ по Черному морю еще прежде гетмана Богданка (слѣдственно, прежде 1576 года).— Вотъ цѣлая поэма объ этомъ вождѣ запорожскомъ, который по ея сказанью, томился 54 года въ плѣну турецкомъ, на галерѣ. Трапезонтскій паша поѣхалъ на той галерѣ свататься въ г. Козловъ. Тамъ на радости музульмане напились до-пьяна. Старый Запорожець воспользовался этимъ; истребилъ музульманъ; и галера очутилась у острова Тендры, гдѣ находился тогда гетманъ Скалозубъ. Это было около 1588 года; слѣдственно Самойло Кушка воевалъ по морю и попался въ плѣнъ около 1534 года. Въ числѣ его товарищей главную роль играетъ Ляхъ Бутурлакъ, сотникъ Переяславскій, мастерски представленный въ думѣ; да и вся она исполнена описаніями истинно художественными. Для удобнѣйшаго ея уразумѣнія, я раздѣлилъ ее на главы.— Записалъ ее, отъ слѣпца-бандуриста въ Полтавской губерніи, г. Лукашевичъ, издавшій *Малороссійскія и Червоноорусскія думы и пѣсни*. СПб. 1836.

60. Гармата — пушка. Габа — бѣлое турецкое сукно.

То въ той галерѣ Алканъ - Паша,
 Трапезонськее князя гуляе;
 Избранного люду собѣ мае:
 Сѣмсотъ Туркôвъ, янычаръ чотырѣста;
 Да бѣдного невольника пôвчвартáста,⁶¹
 Безъ старшины вôйськовою.
 Первый старшій мѣжъ ними пробувае
 Кушка Самôйло, гетьманъ запорозській;
 Другій, Марко Рудый,
 Судья вôйськовый;
 Третій Мусѣй Грачъ,
 Вôйськовый трубачъ;
 Четвертый Ляхъ - Бутурлакъ,
 Клюшникъ галерській,
 Сотникъ Переяславській,⁶²
 Недовѣрокъ христiянській,—
 Що бувъ тридцять лѣтъ у неволѣ,
 Двадцять чотырѣ якъ ставъ по волѣ;
 Потурчився, побусурманився,
 Для паньства великого,
 Для лакомства несчастного! —
 Въ той галерѣ одъ пристанѣ далеко одпускали,
 Чорнымъ моремъ далеко гуляли;

61. *Пôвчвартá*—значить $3\frac{1}{2}$; а *пôвчвартáста* 350, также, какъ *пôвтора* (т. е. пол-втора) значить одинъ съ половиною.

62. По сказанью Конискаго, Малороссiя раздѣлена на полки и сотни еще около 1516 года, въ гетманство князя Евстафiя Рожинскаго.

Противъ Кефы города приставали,
Тамъ собѣ великій да довгій опочинокъ мали.

II. Сонъ Алкана - паша.

То представиться Алкану - Пашатѣ,
Трапезонському княжятѣ, молодому панятѣ,
Сонъ дивенъ, барзо дивенъ, на - прочудъ.⁶³
То Алканъ - Паша,
Трапезонськее князя,
На Туркѣвъ - янычаръ, на бѣдныхъ невольникѣвъ
покликае:

„Турки — каже — Турки - янычаре,
И вы, бѣдный невольники!

Который бы могъ Турчинъ - янычаръ, сей сонъ
одгадати,
Могъ бы ёму три грады турецкій даровати;
А который бы могъ бѣдный невольникъ одгадати,
Могъ бы ёму листы вызволёны писати,
Щобъ не могъ нѣхто нѣгде зачѣпати!“
Сее Турки зачували, нѣчого не сказали;
Бѣдны невольники, хочъ добре знали,
Собѣ промовчали.

Тѣльки обѣзветься мѣжъ Туркѣвъ Ляхъ-Бутурлакъ,
Клюшникъ галерській,
Сотникъ Переяславській,
Недовѣрокъ христіянській:

„Якъ-же, каже, Алкане-Пашо, твоѣй сонъ одгадати,
Що ты не можешъ намъ повѣдати!“ —

63. На - прогудъ или на - прогудо — на - диво.

„Такій менѣ, небожята,⁶⁴ сонъ приснився,

Бодай ніколи не явився!

Видиться: моя галера цвѣткована, малёвана,

Стала вся ободрана, на пожарѣ спускана;

Видиться: мой Турки-янычары

Стали всѣ въ пень порубаны;

А видиться: мой бѣдный невольники,

Который були у неволѣ,

То всѣ стали по волѣ;

Видиться: мене гетьманъ Кушка

На три часті ростявъ,

Въ Чорнее море пометавъ....“

То скоро тее Ляхъ-Бутурлакъ зачувавъ,

Къ ёму словами промовлявъ:

„Алкане-Пашо, трапезонській княжату,

Молодый паняту!

Сей тобѣ сонъ не буде ни мало зачѣпати;

Скажи менѣ получче бѣдного невольника догля-
дати,

Зъ ряду до ряду сажати,

По два, по три старый кайданы и новый испра-
вляти,

На руки, на ноги надѣвати;

Червоной таволги по два дубцѣ⁶⁵ брати,

64. *Небожята* (въ единств. *небожа* или *небожа*) — голубчики. Впрочемъ *небожъ*, въ женс. *небога*, значать племянникъ, племянница.

65. *Дубецъ* — пруть.

По шіяхъ затинати,
Кровъ христіянськую на землю проливати! ⁶⁶

Скоро то сее зачували,
Одъ пристані галеру далеко одпускали:
До города до Козлова,
До дѣвки Санджакѡвны на залѣты ⁶⁶ поспѣшали.

III. Пиръ въ городъ Козловъ.

То до города Козлова прибували.
Дѣвка Санджакѡвна на встрѣчу вихожае,
Алкана - Пашу въ городъ Козловъ зо всѣмъ вѡйсъ-
комъ затыгае.

Алкана - Пашу за бѣлу руку брала,
У свѣтлицѣ - камяницѣ зазывала,
За бѣлу скамью сажала,
Дорогими напитками наповала;
А вѡйсъко середъ рынку сажала.

То Алканъ - Паша,
Трапезонськее князя,
Не барзо дорогій напитки ѱживае,
Якъ до галеры двоухъ Турчинѡвъ на-пѡдслухи по-
сылае:
Щобъ не могъ Ляхъ-Бутурлакъ Кушки Самойла
одмыкати,
Упѡручь себе сажати!

То скоро ся тый два Турчины до галеры прибували.
То Кушка Самойло, гетьманъ запорозській

⁶⁶. Залѣты — сватовство. Весплье — свадьба.

Словами промовляє :

„Ой Ляше - Бутурлаче, брате старесенькій!
Коли-сь и ты бувъ въ такôй неволѣ, якъ мы тепера:
Добро намъ учини,
Хочъ насъ старшину одомкни;
Хай бы ⁶⁷ и мы у городѣ побували,
Паньське весѣлье добре знали.“

Каже Ляхъ - Бутурлакъ :

„Ой Кушко Самойлу, гетьмане запорозській,
Батьку козацькій!
Добро ты ўчини:
Вѣру христіянську пôдъ нозѣ пôдтопчи,
Хрестъ на собѣ поламни!
Аще будешъ вѣру христіянську пôдъ нозѣ топтати,
Будешъ у нашого пана молодого за рôдного брата
пробувати!“

То скоро Кушка Самойло зачувавъ,
Словами промовлявъ :

„Ой Ляше - Бутурлаче, сотнику Переяславській,
Недовѣрку христіянській!
Бодай же ты того не дождавъ,
Щобъ я вѣру христіянську пôдъ нозѣ топтавъ!
Хочъ буду до смерти бѣду да неволю пріймати,
А буду въ землѣ козацькôй голову христіянську
покладати!
Ваша вѣра погана,
Земля проклята!“

67. *Нехай*, сокращенно *хай* (по - червоноруски *най*)—пусть.

Скоро Ляхъ - Бутурлакъ тее зачувае,
Кушку Самойла у щоку затинае.

„Ой! — каже—Кушко Самойлу, гетьмане запороз-
ській!

Будешъ ты мене въ вѣрѣ христіянськôй укоряти,
Буду тебе паче всѣхъ невольникôвъ доглядати,
Старый и новый кайданы направляти,
Ланцюгами за-пôперекъ втрое буду тебе брати!“—

То тѣ два Турчина тее зачували,

До Алкана - Паши прибували :

„Алкане - Пашо, Трапезонськее князя!

Беспечно гуляй,

Доброго и вѣрного ключника маешъ :

Кушку Самойла въ щоку затинае,

Въ турецьку вѣру ввертае!“

То Алканъ - Паша,

Трапезонськее князя,

Великую радость мало :

По-поламъ дорогій напитокки роздѣляло,

Половину на галеру одсылало,

Половину зъ дѣвкою Санджакôвною уживало.

Ставъ Ляхъ-Бутурлакъ дорогій напитокки пити-пôд-
пивати;

Стали умыслы козацьку голову ключника розби-
вати.

„Господи! есть у мене що испити и исходити,

Тôльки нѣ-сѣ-кѣмъ обѣ вѣрѣ христіянськôй роз-
говорити....“

До Кушки Самойла прибуває,
 Поручь себе сажає,
 Дорогого напитка метає,
 По два, по три кубки въ руки наливає.

То Самойло Кушка по два, по три кубки въ руки
 бравъ:
 То въ рукава, то въ пазуху, скрѣзь хусту третю
 до-долу пускавъ.

Ляхъ Бутурлакъ по единому выпивавъ:
 То такъ напився,
 Що зъ нѣгъ звалився.

IV. ПРИГОТОВЛЕНІЕ ГАЛЕРЫ КЪ ПОВѢГУ.

То Кушка Самойло да угадавъ:
 Ляха - Бутурлака до лѣжка вмѣсто дитяти спати
 клавъ;
 Самъ восѣмдесятъ-чотырѣ ключи съ - пѣдъ головъ
 выймавъ,
 На пяти чоловѣкѣ по ключу дававъ:
 „Козаки - панове! добре майте,
 Одинъ другого одмыкайте,
 Кайданы изъ нѣгъ, изъ рукъ не кидайте,
 Полуночной години дожидайте!“

Тогдѣ козаки одинъ другого одмыкали;
 Кайданы изъ рукъ, изъ нѣгъ не кидали,
 Полуночной години дожидали.

А Кушка Самойло чого-сь догадавъ,

За бѣдного невольника ланцюгами втрое себе при-
нявъ ;

Полуночної години дожидавъ.

Стала полуночная година наступати ,

Ставъ Алканъ-Паша зъ вѣйськомъ до галеры при-
бувати.

То до галеры прибубавъ ,

Словами промовлявъ :

„Вы , Турки - янычаре , по-маленьку ячѣте ,

Моего вѣрного ключника не збудѣте !

Сами же добре по-мѣжъ рядами проходите ,

Всякого чловѣка осмотрайте !

Бо тепера вѣнъ пѣдгулявъ ,

Щобы кому пѣльги не давъ.....“

То Турки - янычаре свѣчѣ у руки брали ,

По - мѣжъ рядѣвъ проходили ,

Всякого чловѣка осмотрали....

Богъ помогъ !... за замѣкъ руками не прѣмали!—

„Алкане - Пашо , безопасно почивай !

Доброго и вѣрного ключника маешъ :

Вѣнъ бѣдного невольника зъ ряду до ряду посажавъ ,

По три , по два старыѣ кайданы посправлявъ ;

А Кушку Самойла ланцюгами утрое прѣнавъ.“

Тогдѣ Турки-янычаре у галеру входили ,

Безопасно спати полягали ;

А который хмельны бували , на сонъ знемагали ,

Коло пристанѣ Козловськой спати полягали.—

V. ОСВОБОЖДЕНІЕ ГАЛЕРЫ ОТЪ ТУРКОВЪ.

Тогдѣ Кушка Самойло полуночноѣ години до-
ждавъ :

Самъ мѣжъ козакѣвъ уставъ ;
Кайданы изъ рукъ , изъ нѣгъ у Чорнее море по-
ронявъ ;

У галеру вхожае , козакѣвъ пробужае ,
Шаблѣ булатный на выбѣръ выбѣрае ,

До козакѣвъ промовляе :

„ Вы, панове - молодцѣ , кайданами не стучѣте ,
Ясины не ѣчинѣте ,

Нѣ которого Турчина въ галерѣ не збудѣте !...“

То козаки добре зачували :

Сами зъ себе кайданы скидали ,

У Чорнее море кидали ,

Нѣ одного Турчина не збудили.

Тогдѣ Кушка Самойло до козакѣвъ промовляе :

„ Вы, козаки - молодцѣ ! добре , братѣ , майте !

Одѣ города Козлова забѣгайте ,

Туркѣвъ - янычарѣвъ въ пень рубайте ,

Которыхъ живцемъ у Чорнее море бросайте !“

Тогдѣ козаки одѣ города Козлова забѣгали ,

Туркѣвъ - янычарѣ въ пень рубали ,

Которыхъ живыхъ въ Чорнее море бросали.

А Кушка Самойло Алкана - Пашу изъ лѣжка взявъ ,

На три частѣ роставъ ,

У Чорнее море побросавъ ;

До козакѣвъ промовлявъ :

„Панове - молодці! добре дбайте,
 Всѣхъ у Чорнее море бросайте,
 Тільки Ляха - Бутурлака не рубайте,
 Между вѣйськомъ для порядку, за ярызу⁶⁸ вѣйсь-
 кового, зоставляйте!“

Тогдѣ козаки добре мали:
 Всѣхъ Туркѣвъ у Чорнее море пометали;
 Тільки Ляха - Бутурлака не зрубали,
 Между вѣйськомъ, для порядку, за ярызу вѣйсь-
 кового, зоставляли.

VI. ПЛАВАНІЕ ГАЛЕРЫ ВЪ ДНѢПРОВСКОМУ ЛИМАПУ. ПЛАЧЬ САНДЖА-
 КОВНЫ. ПОЗДРАВЛЕНІЕ АЛКАНА-ПАШИ. ⁶⁹

Тогдѣ галеру одѣ пристані одпускали,
 Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли. —
 Да ще у недѣлю барзо рано - пораненьку,
 Не сива зозуля заковала,
 Якъ дѣвка Санджакѣвна коло пристані похожала,
 Да бѣлы руки ламала, словами промовляла:
 „Алкане - Пашо, Трапезонськее княжату,
 На що ты на мене такее великее пересердіе маешъ,

68. *Ярыза*, или правильнѣе *ярыга* — сыщикъ.

69. Въ этомъ плачѣ невѣсты и поздравленіи жениха высказы-
 вается юморъ украинскій. (Неизбѣжнымъ мѣстомъ поздравленія
 названъ *Цареградъ*.... Не называлась ли именовъ *Царе-града*,
 или инаго *града*, какая нибудь турецкая крѣпость? Но и то быть
 можетъ, что позднѣйшіе бандуристы перемѣшали здѣсь имена го-
 родовъ, и что сватовство Алкана - Паши происходило не въ
 Козловѣ, а въ Кефѣ, гдѣ имѣлъ свое мѣстопробываніе губерна-
 торъ турецкій).

Що одъ мене сѣгодня барзо рано выѣзжаешъ ?

Когда бы була одъ отця и матерѣ

Сорома и наруги приняла ,

Зъ тобою хочъ едину нѣчь переночовала ! “

Скоро ся тое промовляли ,

Галеру одъ пристани одпускали ,

Сами Чернымъ моремъ далеко гуляли.

А ще у недѣлоньку ,

У полуденну годионьку ,

Ляхъ - Бутурлакъ одъ сна пробуждае ,

По галерѣ поглядае , що ни единого Турчина у
галерѣ немає.

Тогдѣ Ляхъ - Бутурлакъ изъ лѣжка вставае ,

До Кушки Самойла прибувае , у ноги впадае :

„ Ой Кушко Самойлу , гетьмане запорозьскій ,

Батьку козацькій !

Не будь же ты на мене ,

Якъ я бувъ на останцѣ вѣка моего на тебе !

Богъ тобѣ допомогъ непріятеля побѣдити ,

Да не умѣтимешъ у землю христіянську входити !

Добре ты учини :

Половину козакѣвъ у оковы до опачинь ⁷⁰ посади ,

А половину у турецькее дорогее платье наряди ;

Бо ще будемо отъ города Козлова до города Царе-
града ⁶⁹ гуляти ,

Будуть изъ города Цареграда дванадцять галерѣ
выбѣгати ,

70. Опачина — большое весло.

Будуть Алкана - Пашу зъ дѣвкою Санджакѡвною
По залѣтахъ поздравляти :

То якъ будешъ отвѣтъ отдавати?....“

Якъ Ляхъ - Бутурлакъ научивъ ,

Такъ Кушка Самойло гетьманъ запорозьскій учи-
нивъ :

Половину козакѡвъ до опачинъ у оковы посадивъ ,

А половину у турецькое дорогое платье нарядивъ .

Стали одъ города Козлова до города Цареграда
гуляти ,

Стали изъ Цареграда дванадцять галеръ выбѣгати ,

И галеру изъ гарматы торкати , —

Стали Алкана-Пашу зъ дѣвкою Санджакѡвною

По залѣтахъ поздравляти .

То Ляхъ - Бутурлакъ чого-сь догадавъ :

Самъ на чердакъ выступавъ ,

Турецькимъ бѣленькимъ завиваломъ махавъ ;

Разъ то мѡвить по - грецьки ,

У друге по - турецьки ;

Каже : „ вы Турки - янычаре , по-маленьку, братія,
ячѣте,

Одъ галеры одвернѣте ;

Бо тепера вѡнъ пѡдгулявъ , на упокоѣ почивае ,

На похмѣлье знемагае ,

До васъ не встане , головы не зведе .

Казавъ : якъ буду назадъ гуляти ,

То не буду вашей милості и по вѣкъ забувати! „

Тогдѣ Турки - янычаре одъ галеры одвертали ,

До города Цареграда убѣгали :

Изъ дванадцяти штукъ гарматъ гремали, —
 Яссу воздавали. —

Тогдѣ козаки собѣ добре дбали:

Сѣмъ штукъ гарматъ собѣ арештовали,
 Яссу воздавали,

На Лиманъ - рѣку испадали,

Къ Днѣпру - Славутѣ ⁷¹ низенько укланяли:

„Хвалимъ Тя, Господи, и благодаримъ!

Були пятьдесятъ чотырѣ годы у неволѣ,

А тепера чи не дасть намъ Богъ хоть часъ по волѣ!

VII. Прибытіе галеры къ козакамъ, къ острову Тендрѣ. ⁷²

А у Тендровѣ островѣ Семень Скалозубъ

Зъ вѣйськомъ на заставѣ стоявѣ,

Да на тую галеру поглядавѣ,

До козакѣвъ словами промовлявѣ:

„Козаки, панове-молодці! що сія галера — чи блу-

Чи свѣтомъ нудить, дить,

Чи много люду царського мае,

Чи за великою дѣбичью ганяе?

То вы добре майте:

По двѣ штукъ гарматъ набѣрайте,

Ту ю галеру изъ грозной гарматы привѣтайте

Гостинця ѣй дайте!“

71. Днѣпръ козаки величали именовъ *Славуты*. Это велось издревле, какъ видно изъ Пѣсни о полку Игоревѣ: „О Днѣпре Словутию!“

72. Островъ *Тендровъ* или *Тендра* невдалекѣ отъ Книбурской Косы, противъ устья Днѣпровскаго.

Тогдѣ козаки промовляли :

„Семене Скалозубе , гетьмане запорозській ,
Батьку козацькій !

Де-сь ты самъ боишься

И насъ козакѡвъ страшишься :

Есть сія галера не блудить ,

Ни свѣтомъ нудить ,

Ни много люду царського мае ,

Ни за великою добычью ганяе :

Се , може , є давній , бѣднѣй невольникъ изъ не-
воли утѣкае....“

„Вы вѣры не доймайте ,

Хочъ по двѣ гарматы набѣрайте :

Тую галеру изъ грозной гарматы привѣтайте ,

Гостинця єй дайте :

Якъ Турки - янычаре , то у пень рубайте ;

А якъ бѣднѣй невольникъ , то помочи дайте !“

Тогдѣ козаки , якъ дѣти , не гараздъ починали ,

По двѣ штуки гарматъ набѣрали :

Тую галеру изъ грозной гарматы привѣтали ,

Три дѡски у суднѣ выбивали ,

Воды Днѣпровської напускали....

Тогдѣ Кушка Самойло , гетьманъ запорозській

Чого - сь отгадавъ ,

Самъ на чердакъ выступавъ ;

Червоный , хрещатый , давній корогвы ⁷³ изъ ки-
шенѣ вынимавъ ,

73. *Корогва* — хоругвь , знамя . У козаковъ (по крайней мѣрѣ ,

Роспустивъ,
 До воды похиливъ;
 Самъ низенько уклонивъ:
 „Козаки, панове - молодці! сія галера не блудить,
 Ни свѣтомъ нудить,
 Ни много люду царського мае,
 Ни за великою дѣбичью ганяе:
 Се есть давній, бѣдный невольникъ
 Кушка Самойло изъ неволіи утѣкае;
 Були пятьдесятъ чотыри годы у неволѣ,
 Теперъ чи не дасть Богъ хоть на часъ по волѣ!“

VIII. Раздѣлъ добычи. Поздравленіе Самойла Кушки.

Поминка по немъ.

Тогдѣ козаки у каюки скакали;
 Тую галеру за малёваны облавки брали,
 Да на пристань стягали;
 Одъ дуба до дуба
 На Семена Скалозуба
 Паёвали;
 Тую галеру да на пристань стягали.
 Тогдѣ: златосиній киндяки на козаки,
 Златоглавы⁷⁴ — на отаманы,

въ ихъ войны съ Поляками) были знамена *гервоиця*, *хрещатыя* (т. е. красныя, съ изображеніемъ креста). Старый вождь запорожскій, въ полувѣковомъ плѣну своемъ, сберегъ козацкое знамя; и распустилъ его въ виду козаковъ, невдалекѣ Днѣпровскаго Лимана.

74. Златоглавъ и среброглавъ — глазеть.

Турецькую бѣлую габу—на козаки на бѣляки;
А галеру на пожаръ спускали.

А срѣбро, злато — на три часті паёвали:

Первую часть брали, на церкви накладали,
На Святого Межигорського Спаса,
На Трехтемировській манастырѣ,
На святую Сѣчовую Покровѣ давали, —⁷⁵

Которы давнѣмъ козацькимъ скарбомъ будовали,
Щобъ за ѣхъ, вставаючи и лягаючи,
Милосердного Бога благали.

А другую часть по-мѣжъ собою паёвали;

А третью часть брали,

Очертами сѣдали,

Шили да гуляли,

Изъ семипядныхъ пищалей гремали,

Кушку Самойла по волѣ поздоровляли:

„Здоровъ, кажутъ, здоровъ, Кушко Самойлу,
Гетьмане запорозській!

Не загинувъ еси у неволѣ,

Не загинешъ и зъ нами козаками по волѣ!“

75. Запорожцы до послѣдняго времени были очень набожны и щедры на церковное подаваніе. Нерѣдко и свой вѣкъ доживали они въ монастыряхъ. Особенно уважался у нихъ два надднѣпровскіе монастыря: *Успенскій Терехтемировскій*, отданный имъ Стефаномъ Баторіемъ, и *Спаскій Межигорскій*, къ которому съ 17-го вѣка Запорожцы приписались какъ прихожане; и не иначе принимали священниковъ, въ свою Сѣчевую Покровскую церковь, какъ изъ Межигорцевъ. Оба монастыря существовали до исхода прошлаго столѣтія.

Правда, панове, полягла
 Кушки Самойла голова,
 Въ Кіевѣ - Каневѣ манастырѣ....⁷⁶

Слава не ўмре, не поляже!

Буде слава славна:

По - мѣжъ козаками,

По - мѣжъ друзьями,

По - мѣжъ рыцарями,

По - мѣжъ добрыми молодцями.

Утверди, Боже! люду царського,

Народу християньского,

Войська Запорозського,

Доньського,

Съ сією чернью Днѣпровою,

Низовою,

На многія лѣта,

До конца вѣка!

11.

Черноморская буря.

На Чорному морѣ, на бѣлому камнѣ
 Ясенькій соколъ жалобно квилить, проквилляе,
 Смутно себе мае, на Чорнее море спильна поглядае,
 Що на Чорному морю недобре ся-починае:

76. Въ монастырѣ Каневскомъ погребены были три вождя запорожскіе: *Подкова*, *Жахъ* и *Кушка*. Этотъ монастырь также уже не существуетъ.

Що на небѣ усѣ звѣзды потмарило,
 Половина мѣсяця въ хмары вступило;
 А изъ низу буйный вѣтеръ повѣвае,
 А по Чорному морю супротивна хвиля уставае,
 Судна козацькїи на три частїи розбивае:

Одну часть взяло,
 Въ землю Агарську занесло;
 Другу часть гѣрло
 Дунайське пожѣрло;
 А третя — де ся - мае?

Въ Чорному морѣ потопае! — ⁷⁷

При той частїи бувъ Грицько Зборовськїи, ⁷⁸
 Отаманъ козацькїи запорозськїи.

Той по судну похожае, словами промовляє:

77. Бандуристь изобразилъ морекую бурю, что бы смирять ея буйство украинской молодежи, такъ часто уходившей козаковать на Запорожье, безъ благословенїя родительскаго. — На козацкихъ ладьяхъ есть грѣшникъ, почитаемый за праведника. Черное море не выноситъ его на себѣ, и волнуется. Козакъ, приноситъ открытую покаянную исповѣдь, творить молитву — и морская буря утихае.

78. Этотъ козацькїи вождь, — какъ справедливо замѣтилъ г. Грабовскїи (въ разборѣ моего втораго изданїя *Украинскихъ Пѣсень*, напечатанномъ во 2 части его сочиненїя *Literatura i Krytyka*, *Wilno*, 1837) — есть тотъ *Самуилъ Зборовскїи*, который послѣ изгнанїя своего изъ Польши (1574 г., за дуэль съ Тенчинскимъ), служилъ при Стефанѣ Баторїѣ, и въ козацкихъ отрядахъ при гетманѣ Свирговскомъ; а потомъ (между 1579 — 83 г. былъ самъ выбранъ въ гетманы Запорожцами, и ходилъ съ ними на Черное море. Въ 1584 г. онъ казненъ въ Краковѣ, канцлеромъ Ив. Замойскимъ.

„Хто - сь мѣжъ нами, панове, великій грѣхъ на
собѣ мае,

Що-сь дуже злая хуртовина на насъ налягае.

Сповѣдайтесь, панове, милосердному Богу,

Чорному морю, и менѣ отаману кошовому!

Въ Чорнее море впадѣте,

Вѣйска козацького не губѣте!“

То козаки тее зачували,

Усѣ замовчали:

Бо въ грѣхахъ себе не знавали.

Тѣльки обозвався писарь вѣйсковый,

Козакъ лейстровый,⁷⁹

Пирятинскій Поповичъ Олексѣй:

„Добре вы, братця, ўчинѣте,

Мене самого возьмѣте,

Менѣ чорною китайкою очі завяжѣте,

До шій бѣлый камѣнь причепѣте,

Да й у Чорнее море зопхнѣте!

Нехай буду одинъ погибати,

Козацького вѣйска не збавляти!“

То козаки тее зачували,

До Олексѣя Поповича словами промовляли:

79. Козакъ *лейстровый* значить *реестровый* — (малороссійское нарѣчіе въ иносязычныхъ словахъ любило перемѣнять *р* на *л*: *лицарь*, *лейтарь*, *олондарь* — вм. *рыцарь*, *рейтарь*, *арендарь*); т. е. принадлежащій къ украинскимъ козацькимъ полкамъ, постояннымъ и опредѣленнымъ въ числѣ. Кромѣ того были еще *охозекомонные* полки, составлявшіе *охотное* козацкое войско. Въ этомъ не было недостатка, по словамъ украинской лѣтописи: „речеть старшій слово; и абіе войска челомъ, аки трава будеть!“

„Ты-жъ святее письмо у руки берешъ, читаешъ,
Насъ простыхъ людей на все добре наставляешъ:
Якъ же наибольше одъ насъ на собѣ грѣховъ ма-
ешъ?“

„Хоча святее письмо я читаю,
Васъ простыхъ людей на все добре наставляю;
А я все самъ недобре починаю.
Якъ я изъ города зъ Пирятина, панове, выѣзжавъ,
Опрошенья зъ пан-отцемъ и зъ панѣ-маткою не
бравъ;
И на своего старшого брата великій гнѣвъ покладавъ,
И близькихъ сусѣдовъ хлѣба-й-соли безневинно
збавлявъ;
Дѣти малый, вдовы старый стременемъ у груди
штовхавъ;
Безпечно по улицамъ конемъ гулявъ;
Противъ церкви, дому Божого, проѣзжавъ —
Шапки зъ себе не знімавъ.
За те, панове, великій грѣхъ маю,
Теперь погибаю!

Не есть се, панове, по Чорному морю хвиля вставае;
А есть се—мене отцевська й материнська молитва
карае!

Колибъ мене сая

Хуртовина злая

Въ морѣ не ўтопила,

Одъ смертѣй молитва боронила;

То знавъ бы я отця й матѣрь шанувати, пова-
жати!

То знавъ бы я старшого брата за рѣдного отца
почитати;

И сестру рѣдненьку за неньку у себе мати!“

То якъ ставъ Поповичъ Олексѣй грѣхи свой
сповѣдати;

То стала злая хуртовина по Чорному морю сти-
хати;

Судна козацькѣ до-горы, якъ руками, пѣдѣймала;

До Тендрова острова прибавала.

То всѣ тогдѣ козаки дивомъ дивовали:

Що по якому Чорному морю, по быстрѣй хвилѣ
потопали;

А нѣ одного козака зѣ-межи вѣйська не ѣтерали!

Отъ-же тогдѣ Олексѣй Поповичъ изъ судна выхо-
жае,

Бере святее письмо въ руки, читае,

Усѣхъ добрыхъ людей на все добре навчае,

До козакѣвъ промовляє:

„От-тымъ-бы-то, панове, треба людей поважати;

Щан-отця ѣ панѣ-матку добре щанувати!

Бо который чоловѣкъ тее уробляє,

Щовѣкъ той счастья собѣ мае,

Смертельный мечъ того минае.

Отцева ѣ матчина молитва зо-дна моря выймае;

Одъ грѣхѣвъ смертельныхъ душу одкупляє;

Ща полѣ ѣ на морѣ на помочъ помагае!“

12.

*На побѣду Чигиринскую.*⁸⁰

Ой у нашой у славной Украинѣ
 Бували коли-сь престрашный злыгоднй, бездоль-
 нй години ;

Бували й моры,

Й войськовы чвары ;⁸¹

Нйхто Украинцѣвъ не рятовавъ ;⁸²

Нйхто за ихъ Богови молитвъ не посылавъ ;

Тольки Святы Богъ нашихъ не забувавъ :

На великй зусилья, на одповѣдья⁸³ державъ !

Тольки Богъ Святы знавъ ,

Що вонъ думавъ , гадавъ , замышлявъ ,

Якъ незгодины на Украинську землю посылавъ !

Отъ - же й пройшли , изыйшли злыи незгодины :

Немае нйкого , щобъ насъ подолѣли !

Тольки Богъ Святы знавъ ,

Що вонъ думавъ , гадавъ , замышлявъ !

Не день, и не два Ляхи Украину плѣндровали,⁸⁴

Ни на часиночку одпочинья не мали ,

80 Видно по всему, что эта дума, проникнутая глубокою преданностью волю Божіей, сложена велѣдъ за тою побѣдою, которую козацкій гетманъ Павелъ Ниливайко одержалъ надъ короннымъ гетманомъ Жолкевскимъ, при Чигирицѣ, 1596 года.

81. *Чвара* — свара, смута ; гроза.

82. *Рятовати* — спасать, избавлять.

83. *Одповѣдье* — отвѣтъ, отпоръ.

84. *Плѣндровати* — разорять.

Коней на-взавахъ ⁸⁵ день и нѣчь держали,
 До гетьмана Наливайка дорогу вертали.
 А гетьманъ хоробрый Наливайко—щѣ вѣнъ думае,
 гадае?
 Щѣ вѣнъ за долю товаришѣвъ свойхъ замышляе?
 Тѣльки Богъ Святый знае,
 Щѣ ёму на помочъ помагае!....
 Изъ-за горы хмара выступае—выступае, выхожае,
 До Чигрина громомъ выгрѣмляе,
 На Украинську землю блискавкою блискае. ⁸⁶
 То Поляки черезъ три рѣки три переходы мали,
 Да й бѣля третѣго переходу станомъ стали;
 Пустили коней на попасанье,
 Сами собѣ дали на три години одпочиванье.—
 А щѣ гетьманъ Наливайко думае, гадае?
 Щѣ вѣнъ на незгѣду Ляхѣвъ замышляе?
 Тѣльки Богъ тее знае, щѣ ёму на помочъ помагае!
 То не хмары по небу громомъ святымъ выгрѣм-
 ляють, ⁸⁶
 То не Святыхъ воны до Бога проважають;
 То Ляхи у бубны ўдаряють,
 У свистѣлки да у трубы выгравають,
 Усе вѣйсько свое до-купы у громаду скликають,

85. *На-взаходы* — во всѣ повода, во весь опоръ. Этимъ очень мѣтко выражено то, какъ Жолкевскій гонялся за Наливайкомъ.

86. Это двукратное живое изображеніе непріятельскаго нашествія — грозовою тучею, напоминаетъ подобную картину въ Пѣсни о полку Игоревѣ „Черныя туча съ моря идуть.. а въ нихъ трепещуть синіи мълніи.“

Щобъ ишли усѣ до громады на послуханье,
 Слухати гетьмана Жовковского одповѣданье.
 Отъ-то й пришли усѣ, рядомъ стали,
 Усѣ рядомъ стали, да й замовчали,
 Гетьманське одповѣданье слухати зачали.
 А послухавши, коней сѣдлали,
 Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали;⁸⁷
 Мосты мостили, греблѣ гатили, кѣлья забивали,
 Горзину да дряницю клали,
 Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали.
 А перейшовши, обгороды да шанцѣ робили,
 Увѣ окрѣпѣ гарматы становили;
 А попередъ гарматами три хресты вколотили.⁸⁸
 А що первый хрестъ, то Сомино вѣситъ,
 Сомино вѣситъ, барзо голосить.
 А що другій хрестъ, то Богунъ вѣситъ,
 Богунъ вѣситъ, шаблюкою лопотить.
 А що третій хрестъ, то порожній стоить,
 Усѣхъ иншихъ козакѣвъ до себе пѣджидае,
 Козакѣвъ пѣджидае, козакѣвъ оглядае.
 Хто первый пѣдыйде, того гармата убье;

87. *Бѣлою-рѣчкою* названа здѣсь р. Тясминь.

88. Извѣстно и по лѣтописямъ, что Жолкевскій передъ битвою выставилъ противъ Наливайка три креста, съ повѣшенными на нихъ козацкими старшинами, захваченными подъ Каневою. На одномъ повѣшенъ былъ *Богунъ*; на другомъ *Сомино* или *Сутига*; а третій крестъ — такъ живописно нарисованный въ думѣ — достался на долю *Войновица*. Въ отвѣтъ на эти три креста, Наливайко выставилъ трое знаменъ (см. примѣч. 73) съ надписью: „Миръ христїянству; а на зачинщика Богъ и его Крестъ!“

Хто другій добѣжить, того самопаль цапне,
 Хто третій пѣдлетить, той хреститься буде,
 Хреститься буде й молитися стане,
 Що хрестъ зъ осоки — то ёго надбанье!....⁸⁹

А козаки глядѣли, у вѣчїй ѹбачали,
 Про-мѣжъ себе бурковали, раховали;
 Три корогви на забаченье Ляхамъ становили,
 На корогвахъ уговоръ-рядну писали:
 „Вѣрному православному христїянсьтву миромъ
 миръ;
 А Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ!
 У кого хрестъ — на того й хрестъ!“

Отъ-се-жъ и пѣшли наши на чотырї поля,
 Що на чотырї поля, а на пяте на подолье;
 Ляхѡвъ на всѣ стороны, по всѣмъ хрестамъ ко-
 лотили;
 Ляхи опрощенья просили, да не допросились:
 Не такѡвськи козаки, щобъ опрощенья дали!
 Не такѡвськи й Ляхи, щобъ напасть забули!
 Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала;⁹⁰
 Що вона ковала, промѣжъ Святыхъ чувала;
 Що вона ковала, тому й бути-стати.
 Якъ стануть бѣсы правыхъ и неправыхъ еднати,

90. Какъ значительно здѣсь это предчувствїе бѣды, вскорѣ постигшей козаковъ, и той казни, которою пострадалъ Наливайко съ своими товарищами.

89. *Надбанье* — прїобрѣтенье, стяжанье.

Души забірати, у пекло до-купы складати.

Одъ того й сего, одъ иншого чого,

Боже намъ поможе!

Про те вонъ и знае, що вонъ думае, гадае,

Що Павлові Наливайкові да на помочь помагае.

Не намъ про тее, за тее раховати:

Наше дѣло Богові молитися,

Спасителю хреститися!

13.

Походъ на Поляковъ. ⁹¹

Ой пошли козаки на чотырї поля,

Що на чотырї поля, а на пяте на подолье.

91. Эта прекрасная дума (записанная г. Срезневскимъ отъ слѣпца - бандуриста, въ Екатеринославской губерніи) представляетъ живую, вѣрную картину того безотраднaго положенія, въ какомъ находилась Украина со смерти гетмана Конашевича - Сагайдачнаго — до гетманства Богдана Хмельницкаго (1622 — 48). Козацкія ополченія на Поляковъ возникали одно за другимъ, и кончались почти всегда гибельно для вождей, и для всего козачества. — Въ 1637 году, послѣ казни гетмана Павлюка или Павла Михновича Бута, — опять идутъ три козацкіе отряда.

Однимъ отрядомъ начальствуетъ Сомко - Мушкетъ — главное лице въ думѣ. „Кто этотъ панъ хоружій, не названный въ лѣтописяхъ? Полагаю, что это тотъ Самко, котораго дочь Анна была первою женою Хмельницкаго, бывшаго въ это время войсковымъ писаремъ. — Сомко представленъ идущимъ черезъ поле недавней битвы, еще усѣянное козацкими трупами. Его обуреваютъ смутныя мысли, что козачество и слава козацкая погибнуть.

Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко-Мушкетъ;
 А за паномъ хоружимъ мало - мало не три тысячй,
 Усе хробрый товаришй Запорозьцй:
 На коникахъ выгравають, шабельками блискають,
 у бубны ўдаряють,
 Боговй молитвы посылають, хресты покладають.
 А Самко Мушкетъ—то вонъ на конъ да й не вы-
 граває,
 Коня удержуе, до себе притягае, думае, гадае.
 Да щобъ сто чортѠвъ ўбили ту ёго думу, що га-
 данье! —

Самко Мушкетъ думае, гадае,
 Словами промовляє.

„А що, якъ наше козачество мовъ у пеклѠ Ляхи
 спалять,⁹²
 Да зъ нашихъ козацькихъ костей пиръ собѠ на
 похмѠлье зварять!....

Другой вождь *Степанъ Кукуруза* — по моему предполо-
 женію, есть *Степанъ Остряница*. Имъ овладѠло грустное пред-
 чувствіе приближающей смерти (1638 года онъ колесованъ въ
 ВаршавѠ).

Впереди третьяго отряда *Карпъ Полтора - Кожуха*, — быв-
 шій гетманомъ послѠ Остряницы, съ 1639 года. Этотъ щирый
 Запорожець, послѠ неудавшихся попытокъ противъ Поляковъ, хо-
 дилъ на Крымскія степи, гдѠ и кончилъ свою жизнь, похоронен-
 ный, за неимѠніемъ гроба, въ горѠлочной бочкѠ. ЗдѠсь въ думѠ
 онъ гарцуеть на конѠ, преодолюя свою печаль - тоску, кото-
 рую хочеть онъ затушить виномъ и заглушить звуками пѠсни.

92. ЗдѠсь воспоминаніе о казни *Наливайка*, сожженнаго на
 Варшавской площади — въ раскаленномъ мѠдномъ быкѠ.

А що, якъ наши головы по степу - полю поляжуть,
 Да ще й рѣдною кровью умыються,
 Поперерасколотыми шаблями покрываются!....
 Пропаде, мовъ порошина зъ дула, тая козацкая
 слава,
 Що по всѣму свѣту дыбомъ стала;
 Що по всѣму свѣту степомъ розляглась, простяглась;
 Да по всѣму свѣту луговымъ гомономъ роздалась;⁹³
 Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ зна-
 ти далась;
 Да й Ляхамъ - врагамъ на списъ оддалась!“...

Закряче воропъ, степомъ летючи;

Заплаче зозуля, лугомъ скачучи;

Закуркуютъ кречеты сизы;

Загадаються орлики хижі:

Да все, усѣ по свойхъ братахъ,

По буйныхъ товаришахъ козакахъ!⁹⁴

Чи то ихъ згарбомъ занесло?

Чи то ихъ у пеклѣ потонуло?

Що невидно чубатыхъ, не то по степахъ, не то й
 по лугахъ,

Не то й по татарськихъ земляхъ,

93. *Луговой гомонъ* — шумъ лѣсовъ. — *Лугомъ* называется собственно лугъ, покрытый лѣсомъ; оттого и названье — *темный лугъ*, и частыя слова пѣсни: *не шуми, луже!* Запорожцы любили свои приднѣпровскіе луга, и говорили: „Свѣчь мати; а великій лугъ батько!“

94. Здѣсь вполне видна народно-поэтическая вѣра въ сочувствіе природы къ человеку, отзывное на его къ ней сочувствіе.

Не то й по турецькихъ горахъ ,

Не то й по чорныхъ моряхъ ,

Не то й по ляцькихъ поляхъ?...

Закряче воронъ , загруе , зашумуе ,

Да й полетить у чужую землю

Ань-ба! кѣстки лежать , шаблюки сторчатъ ;

Кѣстки хрустятъ , шаблюки поперерасколоты бряж-
чатъ !....

А чорна , сива сорока оскалилась да й басуе !

А що головы козацькїй — то мовъ Швець-Семень
шкуру загубивъ ! ⁹⁵

А що чубы — то мовъ чортяка джгуты поробивъ ;

У кровї усѣ да й позасыхали :

От - то й славы набрали ! ⁹⁶

95. *Семень - Швець* на Украинѣ издавна вошелъ въ пословицу; на прим. онъ смялъ его — мовъ *Швець - Семень шкуру!* Не есть ли это передѣланное имя *Усмо - швець* — имя древняго Переяславскаго богатыря-кожевника , который такъ потѣшилъ в. кн. Владимира единоборствомъ съ Печенѣжиномъ?.... Впрочемъ есть повѣсть (позднѣйшаго изобрѣтенія) о нѣкоемъ *Семень*, какъ основателѣ Запорожекаго козачества , будто бы ходившаго тогда въ *козылхъ* шкурахъ , и отъ того - де названнаго *козарами* или *козаками* ! (См. въ Ист. Госуд. Рос. Т V прим. 416.)

96. Известно, что Запорожцы, на своихъ подбритыхъ головахъ, ходили длинные *оселедуы* или *зубы* (такъ было и на головѣ в. кн. Святослава Игоревича).

Козацькїй вождь видитъ эти чубы, на полѣ битвы, засохшіе въ крови и говоритъ; *словно горть жгуты повилъ! то-то и славы набрались!*.... Только отчаянїе могло высказываться такою горькою прошею!

Ой пошли козаки на чотырѣ шляхи,
 Що на чотырѣ шляхи, а на пяте на подолье.
 Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко-Мушкетъ;
 А другимъ полемъ — Стецько Кукуруза:
 Сизою голубкою голову свою буйную до-долу за-
 кинувъ.

А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячѣ,
 Усе хоробрый товаришѣ Запорозьчѣ:
 На коникахъ выгравають, шабельками блискають,
 у бубны ѳдаряють,
 Богови молитвы посылають, хресты покладають;
 До Стецька Кукурузы ось-такъ промовляють.

„Чи ты живъ, чи здоровъ, пане Степане?
 Чи ты ѳмеръ, що твою головоньку дубомъ до-
 долу прибило?“

Рахованье — не въ поминанье!

Коли-жъ-небудь треба да по насъ поминки робити!
 Що по насъ, пане, старѣ бабы стануть у цолѣ
 свистѣти;
 А по тобѣ, пане, молодой дѣвчата зачнутъ го-
 лосити!“

— Да те все однако,

Що Якимъ, що Яковъ! ⁹⁷

Ось, якъ пристанемо до пятого яра,
 То хочъ и середъ лѣтечка зашумить, загуде не-дай-
 свѣта чвара!

97. Эта пословица понятна, и ведется понынѣ; но нижеслѣдую-
 щая пословица (що жидъ, а що дѣдъ) не совсѣмъ ясна.

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала,⁹⁸
 Степомъ летючи, лугомъ скачучи.

Що вона ковала, то правду казала:

Налетять орлы хижі, стануть жалковати;

А вóроны налетять, да й стануть здобычї жда-
 ти й пóджидати.

То якъ налетять от-тѣ зозулї,⁹⁹

Що насъ не забули.....

Що жидь, а що дѣдь, а що й запорозській ко-
 закъ!

98. Здѣсь очень кстати повторился стихъ изъ предыдущей думы (что бываетъ нерѣдко въ поэзіи народной). Это дало поводъ г. Грабовскому утверждать, будто обѣ думы принадлежатъ одному *перу*, и т. д. Но эти думы не письменнаго, а изустнаго сложенія, какъ и всѣ прочія. Онѣ не могли принадлежать одному и тому же пѣвцу. Въ думѣ о Паливайкѣ слышенъ внятно спокойный, важный тонъ пѣвца-старика; а въ этой думѣ, сложенной черезъ тридцать лѣтъ, вы видите порывы еще молодой пѣснотворческой силы. Избытокъ лиризма отличаетъ ее отъ большей части думъ. Этому причина, кромѣ личности пѣвца, и самое время. На мой взглядъ, можно бы скорѣе сказать, что пѣвецъ этой думы, снуета 11 лѣтъ, сложилъ думу на побѣду Корсунскую.

99. „Запевне Поляци“ — замѣчаетъ Грабовскій, при этомъ стихѣ. Напротивъ: это родныя Украинки; къ Полякамъ относится предыдущій стихъ; а *орлы хижі* — то козаки, какъ и выше сего, гдѣ и вороны, и сорока представлены въ томъ же непріязненнымъ значеніи, въ какомъ принимается въ Пѣсни о полку Игоревѣ весь родъ вороній. Изъ него, только черная *галка* — въ козацко-украинской поэзіи получила значеніе доброй птицы, хотя является всегда въ *негали* и *разлукѣ*.

Ой пошли козаки на чотырѣ шляхи,
 Що на чотырѣ шляхи, а на пяте на подолье.
 Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко Мушкетъ;
 А другимъ полемъ, то пошовъ Стецько Кукуруза;
 А третѣмъ полемъ, то пошовъ Карпо Пѣвтора-
 Кожуха,
 На конику выгравае, пѣсню спѣвае.
 А за нимъ идутъ мало - мало не три тысячѣ,
 Усе хоробрый товаришѣ Запорозьцѣ:
 На коникахъ выгравають, шабельками блискають,
 у бубны ўдаряють,
 Боговѣ молитвы посылають, хресты покладають.
 А Карпо панъ гетьманъ на конику выгравае, пѣ-
 сню спѣвае. ¹⁰⁰

„Пресучая та журба мене изсушила,
 Вона мене молодого изъ ногъ извалила.

А я той журбѣ да ѣ не подаюся.

Ой пойдю я до шинкарки, горѣлки напьюся!...

Ой хто хоче меду пити, ходѣмъ до жидѣвки;
 А ў жидѣвки чорны брѣвки, високи пѣдкѣвки.

100. Такъ нарѣсовалъ украинскій пѣвецъ картину трехъ вождей козацкихъ. „Два образа мрачные, третій ясный“ — говоритъ объ нихъ Грабовскій. Но и въ третьемъ вождѣ нѣтъ ясности. Запорожець, котораго тоска-печаль съ ногъ валить, къ которому не голубятся жена его и дѣти... ему въ пѣсни и винѣ — только *забытье*, а не свѣтлое веселье!

Й юпочка рябѣнька, й сама молоденька;
Да яка-жъ хорошая, яка чепурненька!

Шинкарочко моя, насыпъ меду й вина,
Да щобъ моя головонька веселенька була!“

— Коли ты жонатый, то иди до-дому;
А якъ не жонатый, то ночуй зо мною! —

„Ой е ѱ мене жѳнка и дѳточокъ двое,
Да не пригортаються, серденько мое!“

14.

О Хмельницкомъ и Барабашѣ ¹⁰¹

Изъ день-години,
Якъ стала тревога на Украинѣ;
То нѣхто не може обѳбрати
За вѣру христїанську одностайне стати;
Тѳльки обобрались Барабашъ да Хмельницкїй,
Да Климъ Бѣлоцерковскїй; ¹⁰²

101. Вотъ первое народное пѣснопѣіе, въ которомъ появляется Хмельницкїй. Чигирискїй полковникъ Иванъ Барабашъ, преданный Полякамъ, скрываль у себя грамоту, данную козакамъ отъ короля Владислава IV. Что бы получить эту грамоту, Хмельницкїй долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости: онъ пригласилъ Барабаша къ себѣ кумомъ, на 6 Декабря 1647 года; а на разсвѣтъ 11-го Декабря скакаль уже съ грамотою на Запорожье, — и вскорѣ явился побѣдоноснымъ гетманомъ.

102. Здѣсь дума называется, вѣроятно, Бѣлоцерковского полковника *Гирю*.

До короля выступали,
 Листѣвъ, на версалѣвъ прохали.
 То король на версалы ¹⁰³ писавъ,
 Самому Барабашу до рукъ подававъ;
 А Барабашъ листы якъ узявъ,
 Три годы козакамъ знати не дававъ.

То Хмельницькій тее догадавъ,
 Кумомъ ёго до себе прохавъ, добре угощавъ.
 А якъ ставъ Барабашъ на пѣдпитку гуляти,
 Ставъ ёму Хмельницькій казати:

„Годъ тобѣ, пане куме, листы королевскій держати,

Дай менѣ хоть прочитати!“

„На що тобѣ, пане куме, ихъ знати?

Мы дачи не даемъ,
 У войсько польске не йдемъ;
 Не луччебъ намъ зъ Ляхами,
 Мосцѣйвыми панами,

Мирно пробувати;

А нѣжъ пѣйти лугѣвъ потирати,
 Своймъ тѣломъ комарѣвъ годовати?“ ¹⁰⁴

То Хмельницькій тее зачувавъ,
 Ще луччихъ напѣткѣвъ подававъ.

103. *Наверсаль*, т. е. универсаль (такъ назывались грамоты, преимущественно гетманскія).

104. *Годовати* — кормить. *Запанѣвшій* Барабашъ не хотѣлъ уже пускаться на суровую жизнь козака, въ темныхъ лугахъ днѣпровскихъ. Но ему черезъ 5 мѣсяцовъ довелось тамъ принять смерть свою.

То Барабашъ якъ упився,
На лѳжку спати звалився.

Тогдѣ Хмельницькій ключі одбѣравъ,
Чуру свого до города Черкаса пославъ;
Велѣвъ ключі панѣ Барабашовѣй подати,
Листѳвъ королевськихъ нытати.

То чура до ней прибуває,
Словами промовляє:

„Пані Барабашова! твої панъ ставъ у насъ гуляти,
А тобѣ велѣвъ листы королевскі подати!“

„Де - сь моему панові лихомъ занудилось,
Що сь Хмельницькимъ гуляти схотѣлось!
Пѳйди, въ глухомъ концѣ пѳдъ ворѳтьми
Листы королевскі въ шкатулѣ вѳзьми.“

То чура скоро листы доставъ,
День и нѳчь до Чигрина поспѣшавъ;

Тогдѣ Барабашъ рано починае,
У карманы поглядае, ажъ ключѣвъ немає.
Вѳнъ старосту Кричевського пробужае,¹⁰⁵
Двома кѳньми тихо зъ двора выѣзжае;

Думае, гадае,

Якъ пана Хмельницького до рукъ прибрати,
Ляхамъ отдати.

105. Вѣроятно, это былъ Переяславскій полковникъ *Кричевскій*, преданный Хмельницкому.

15.

На побѣду Курсунскую. ¹⁰⁶

Ой обозветься панъ Хмельницькій

Отаманъ батько Чигиринській:

„Гей друзі - молодці,

Братья козаки Запорозці!

Добре знайте, барзо гадайте,

Изъ Ляхами пиво варити затирайте! ¹⁰⁷

Лядській солодъ, козацька вода;

Лядській дрова, козацькій труда.“

Ой за тее пиво

Зробили козаки зъ Ляхами превеликое диво;

Ой за той пивный молотъ

Зробили козаки зъ Ляхами превеликій колотъ;

106. Эта дума относится къ двумъ первымъ побѣдамъ Хмельницкаго надъ Поляками — къ *Желтоводской*, одержанной 7 Мая, и знаменитой *Курсунской*, одержанной 16 Мая, тогоже 1648 года. Дума эта списана для меня г. Копытькомъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ. Въмѣсто ея собственнаго начала, позднѣйшіе бандуристы придали ей свою любимую *Черноморскую бурю* въ сокращенномъ видѣ (см. думу 11). Отъ того имя *Грицька Зборовскаго* перешло и въ эту думу. Отбросивъ это не принадлежащее къ ней начало, я поставилъ въ ней; вмѣсто Зборовскаго, имя *Хмельницкаго*. — Понятно, почему все народныя пѣснопѣнія на первыя побѣды Хмельницкаго надъ Поляками, дышуть такою неистовою, насмѣшливою радостью!

107. *Варить пиво* — выраженіе весьма употребительное въ то время (см. въ *Памят. изд. Врем. Комис. Т. 1. отд. III. стат. 3*).

Ой за той пивный квасъ

Не одного Ляха козакъ, якъ бы скурвого сына, за
чуба потрясь.

Ой не вербы-жъ то шумѣли, и ни галки закричали,
Тожъ-то козаки изъ Ляхами пиво варить зачинали.

Ой обозветься перва пані Ляшка: „нема мого
пана Гриця!

Де-сь поѣхавъ дивиться,
Якъ буде козацьке пиво вариться!“

Ой обозветься друга пані Ляшка: „нема мого
пана Яна!

Де-сь извязали козаки якъ - бы барана!“

Ой обозветься третя пані Ляшка: „нема мого
пана Якуба!

Ой Якубе, Якубе!

Де-сь тебе зъ Жовтої воды, зъ быстрой рѣчки
Прута, и до вѣку не буде!“

Въ этой думѣ видимъ большое распространеніе о кровавомъ
цвѣтѣ. Но при этомъ надо имѣть въ виду имя вождя, котора-
го величали тогда *Старымъ Хмелемъ*. Это имя внушило народ-
ный запѣвъ:

„Чи не той-то хмѣль, що коло тычиць вѣється?

Гей, то-жъ той Хмельницкій, що зъ Ляхами бѣється!“

И другая современная пѣсня (сложенія грамотнаго) на ту-же
Желтоводскую побѣду, начинается такъ:

„Ой высыпавъ хмѣль изъ мѣха,

Да наробивъ Ляхамъ лиха!“

Ой не чорна хмара надъ Польщою встала :
Тожъ - то не одна Ляшка удовою стала !

Бо на праву середу
Заняли козаки Ляхѡвъ такъ якъ - бы череду.
Ой , которыхъ гнали до Прута ,
Була дороженька барзо крута ;
Которыхъ до Бузька ,
Була дороженька барзо грузька ;
А которыхъ до Хотины ,
То бѣжучи попотѣли ;
То кидали козаки Ляхѡвъ у воду
Къ чортовѡй матерѣ на прохолоду....

„ Ой вей-миръ ! обозветься первый жидъ Ъдько. ¹⁰⁸
Уже-жъ-пакъ изъ-за горы козацькѣ корогвы видко!“

Побѣгъ до школы швидко :

„ Ой школо-жъ моя , школо !

Чи тебе продати ,

Чи въ карманъ забрати ,

А чи тому пану Хмельницькому

Отаману батьку Чигиринському ,

На срачъ подаровати ?“

108. Известно, какими оскорбительными и разорительными для Южной Руси правами пользовались жида въ прежнія времена. Украинцы за это враждовали на польскихъ пановъ ; а жидовъ презирали, потѣшаясь ихъ трусостью. Вотъ , и въ этой думѣ — каррикатурное изображеніе Евреевъ, въ часъ наступившей опасности.

Ой обозветься другій жидъ Абрамъ.

„Ой я маю вельми дорогій крамъ:

Шпильки и голки,

Кремѣнья и люльки.

Ой я своій крамъ у коробочку склавъ,

Съ козаками пятами наживавъ!“

Ой обозветься третій жидъ Шлѣма.

„Ой я-жъ-пакъ не буду на шабасъ дома!“

Гей, обозветься панъ Хмельницькій

Отаманъ батько Чигиринській:

„Гей друзі-молодці,

Братья козаки Запорозці!

Добре знайте, барзо гадайте,

Одъ села Ситникѡвъ до города Корсуня шляхъ
канавою перекопайте,¹⁰⁹

109. Здѣсь указано именно на то, что всего больше послужило къ успѣху Корсунскаго дѣла. Польскій обозъ съ двумя гетманами, стоявшій въ окопѣ между Корсунемъ и Стеблѣвымъ, собирався двинуться къ Богуславлю. Дорога туда шла на село Ситники, а потомъ на глубокую лѣсистую долину, называвшуюся *Крутою балкою*. Сюда Хмельницькій подошелъ къ ночи, съ многочисленнымъ войскомъ, приказалъ выкопать длинный и глубокій ровъ, а къ утру скрыться въ ближнихъ заросляхъ. Нежданная западня привела въ разстройство польскій обозъ, беспечно спускавшійся въ балку; и онъ весь достался въ руки Хмельницкаго. Роковая долина названа впоследствии *рѣзанымъ яромъ*.

Потоцького поймайте ,

Менѣ въ руки подайте !¹¹⁰

Гей Потоцькій , Потоцькій ,

Маешъ собѣ розумъ жѣноцькій !

Не годишся-жъ ты воѣвати !

Лучче-жъ тебе до пана Хмельницького оддати

Сырой кобылины жовати ,

Або житней соломахи бузиновымъ молокомъ за-
пивати !

16.

*О походъ Хмельницкаго въ Молдавію.*¹¹¹

Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе , повѣвае :
Вѣйсько козацьке у походъ выступае .

110. Коронный гетманъ Николай Потоцкій и напольный гетманъ Калиновскій, взятые въ плѣнь , достались на долю крымскаго хана , бывшаго союзникомъ Хмельницкому. — Современную эпиграмму на этотъ плѣнь см. въ Исторіи Малороссіи Маркевича. Т. V. стр. 38.

111. Объ этомъ походѣ, бывшемъ 1650 года, см. въ такъ-называемой *Лѣтописи Самовидца*. Тогда побѣдоносный Хмельницкій былъ на верху своей козацкой славы : и это отозвалось какъ въ торжественномъ запѣвѣ думы , такъ и въ ея заключительныхъ стихахъ.—(Въ этотъ походъ молдавскій господарь Василій Лупула согласился выдать свою дочь Ирину за сына Хмельницкаго Тимофѣя.)

Тільки Богъ святой знае,
 Що Хмельницькій думає, гадає!
 Объ томъ не знали ні сотники,
 Ни отаманы курѣнный, ні полковники:
 Тільки Богъ святой знае,
 Що Хмельницькій думає, гадає!...

Якъ до Днѣстра прибували,
 Черезъ три перевози переправу мали;
 Самъ Хмельницькій напередъ всѣхъ рушавъ,
 До Хотій прибубавъ, у старшого копитана на кварта-
 тирѣ ставъ;
 До Василя Молдавського листы посылавъ,

Словами промовлявъ:

„Що ты за мною будешъ гадати?

Чи будешъ битися,

Чи будешъ мириться,

Чи на примирѣ будешъ пріймати,

Чи славной Волоцины половину отдавати?“

То Василій Молдавській тее зачувавъ,

До Потоцького листы посылавъ,

Словами промовлявъ:

„Гетьмане Потоцькій,

Що ў тебе розумъ жѣноцькій!

Ты за дорогими напѣтками, банкетами уганя-
 ешь: ¹¹²

112. Престарѣлый гетманъ Потоцькій преданъ былъ пирамъ. Машковичъ въ своемъ Дневникѣ пишетъ, что Потоцькій и въ день Кореунскаго пораженія ѣхалъ въ каретѣ пьяный.

Чомъ ты Хмельницького не еднаешъ?

Уже почавъ вѣнъ землю конськими копытами орати ;

Кровью молдавською поливати!—¹¹³

**Тогдѣ Ляхи изъ города изъ Сочавы утѣкали ,
Василю Молдавському знати давали.**

То Василій Молдавській до Яссь прибуває ,

Словами промовляє :

„Ой вы , Яссы мой , Яссы ,

Були есте барзо красны!

Да ўже не будете такй ,

Якъ прійдуть козаки!“

То панъ Хмельницькій добре учинивъ :

Польшу засмутивъ ;

Волощину побѣдивъ ;

Гетьманщину звеселивъ!

Въ той часъ була честь , слава ,

Вѣйськовая справа!

Сама себе на смѣхъ не давала ,

Непріятеля пѣдъ ноги топтала!

113. Уподобленіе битвы различнымъ работамъ земледѣльческимъ принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ народной Южнорусской поэзіи. Въ Пѣсни о полку Игоревѣ встрѣчаемъ нѣсколько картинъ ; основанныхъ на этомъ уподобленіи , которое находится въ тѣсной связи съ давнею любовью Южной Руси къ земледѣлію.

Стало на четвертый мѣсяць повертати,
 Стали паны-Ляхи способъ прибѣрати;
 Одъ козацькихъ, одъ мужицькихъ коморъ ключи
 одбѣрати,
 Надъ козацькимъ, надъ мужицькимъ добромъ го-
 сподарами знахоятись.
 То ўже де бѣдный козакъ розгадае пятакъ,
 То нельзя по улицѣ пойти, побуйти,
 Що-бъ у корчмѣ пятакъ прогуляти.
 То ўже-жъ одинъ козакъ, доброго клича и лучшой
 руки, одинъ шостакъ розгадавъ,
 Да й той къ катовѣй матерѣ у корчмѣ прогулявъ.
 То ўже-жъ, Ляхъ мѣстомъ иде,
 Якъ свиня ухомъ веде;
 То Ляхъ до корчмы прихожае,
 Якъ свиня ухо до корчмы прикладае;
 А слухае Ляхъ, що козакъ про Ляхѣвъ розмовляє.
 То Ляхъ у корчму убѣгае, и козака за чубъ хватаетъ.
 То козакъ козацькій звычай знае:
 То будто до Ляха медомъ и оковитою горѣлкою
 припиваетъ,
 А тутъ Ляха за чубъ хватаетъ,
 И скляницею межи очей морскае,
 И келепомъ по ребрамъ торкаетъ. ¹¹⁵

115. *Келепъ* — толстая палка, съ металлическою рукоятью въ видѣ молотка. До конца прошлаго столѣтїя эти келепы были въ употребленїи, особливо у людей *подорожнихъ*.

Не луччебъ тобѣ Ляше, превражій сыну,
 На Украйнѣ съ козацькою жѳнкою спати,
 А нѣжъ въ корчму вхождати?
 Да ўже-жъ на Украйнѣ не одна жѳнка курку зго-
 товала;
 Тебе Ляха, кручого сына, на нѳчь чекала!—
 То уже-жъ козаки и мужики
 У недѣлю рано Богу помолившись, листы писали,
 И въ листахъ добре докладали,
 И до пана Хмельницького у Полонне посылали:
 — Гей, пане Хмельницькій,
 Отамане Чигиринській,
 Батьку козацькій!
 Звели намъ пѳдъ Москалей тѣкати,
 Або звели намъ зъ Ляхами великій бунтъ зры-
 вати!—
 То Хмельницькій листы читае,
 До козакѳвъ словами промовляє:
 „Гей, стойте, дѣти,
 Ладу ждѣте!
 Не благословляю вамъ ни пѳдъ Москаля тѣкати,
 Ни зъ Ляхами великого бунту зривати.“
 То ўже-жъ, Хмельницькій до козакѳвъ пріѣзжае,
 Словами промовляє:
 „Гей, нуте, дѣти, по-три, по-чотыри зъ куренѣвъ
 вставайте!
 И до дрючкѳвъ и до оглобель хватайте,
 И Ляхѳвъ-панѳвъ, у нѳчку у четвертеньку, такъ
 якъ кабанѳвъ заганяйте!“

То ўже-жь, изъ куренѣвъ по-три, по-чотырѣ вста-
 вали,
 До дрючкѣвъ и до оглобель хватали;
 И Ляхѣвъ-панѣвъ, такъ якъ кабанѣвъ, у нѣчку у
 четвертеньку заганяли.
 То ўже-жь одинъ козакъ лугомъ бѣжить;
 Коли дивиться на кущъ, ажъ кущъ дрѣжить;
 Коли дивиться у кущъ, ажъ у кущѣ Ляхъ якъ
 жлукто лежить.
 То козакъ козацькій звычай знае, изъ коня вставае,
 И Ляха за чубъ хватае, и келепомъ по ребрахъ
 торкае.
 То Ляхъ до козака словами промовляе:
 — Луччебъ, козурю, могли мой очѣ на потилицѣ
 стати,
 Такъ - бы я могъ изъ-за рѣчки Вислы на Украйну
 поглядати!

18.

На смерть Хмельницкаго. ¹¹⁶

Зажурилася Хмельницкаго сѣдая голова:
 Що при ёму ни сотникѣвъ, ни полковникѣвъ нема;

116. Извѣстно изъ исторіи; что Хмельницкій въ 1657 году, чувствуя приближеніе смерти своей, собралъ въ Чигиринѣ раду (совѣтъ) на 6 Августа, и предлагалъ для выбора въ гетманы нѣсколькихъ полковниковъ; но признательные козаки захотѣли, что бы преемникомъ Богдана былъ сынъ его, 16-лѣтній Юрій.

Часъ приходитъ умірати,
 Нькому порады дати!
 Покликне вѣнъ на Ивана Луговського,¹¹⁷
 Писаря вѣйськового:
 „Иванъ Луговскій,
 Писарь вѣйсковый!
 Скорѣйше бѣжи,
 Да листы пиши,
 Що-бъ сотники, полковники до мене прибували,
 Хоть мало пораду давали!“
 То Иванъ Луговскій,
 Писарь вѣйсковый,
 Листы писавъ,
 До всѣхъ розсылавъ.
 То сотники, полковники, якъ ихъ прочитали,
 Усѣ покидали;
 До гетьмана Хмельницького скорѣйшъ прибували,
 То гетьманъ добре ихъ пріймае,
 Словами промовляє:
 „Панове - молодці! добре вы дбайте,
 Собъ гетьмана наставляйте;

Послѣ того Хмельницкій скончался въ день Успенія (15 Авг.), и погребенъ былъ въ Суботовѣ. Бандуристъ, передавая вѣрно это событіе, изобразилъ его съ художественною простотою, вполне соответвенною предмету думы.

117. *Луговскій*, т. е. *Выговскій*, лице извѣстное въ исторіи. Новымъ писателямъ нѣтъ надобности называть его Полякомъ. Православно-русская дворянская фамилія Выговскихъ, на Волыни, была очень извѣстна въ 17 вѣкѣ (см. въ *Памятникахъ Луцкаго братства*).

Бо я старь, болѣю,
 Бѣльше гетьманомъ не здолѣю!...
 Коли хочете, панове, Антона Волочая Кіевського,
 Або Грицька Костыря Миргородського,
 Або Хвилона Чичая Кропивянського,
 Або Мартына Пушкаря Полтавського.¹¹⁸

То козаки тее зачували,
 Смутно себе мали,
 Тяжко вздыхали,
 Словами промовляли:

— Не треба намъ Антона Волочая Кіевського,
 Нї Грицька Костыря Миргородського,
 Нї Хвилона Чичая Кропивянського,
 Нї Мартына Пушкаря Полтавського;
 А хочемъ мы сына твого Юруся молодого,
 Козака лейстрового! —

„Вѣнъ, панове - молодцї, молодой розумъ мае,
 Звычайѣвъ козацькихъ не знае!“

— Будемъ мы старыхъ людей бїля ёго держати,
 Будуть вони ёго научати:

Будемъ ёго добре поважати,

Тебе батька нашого гетьмана споминати!

118. Изъ этой думы видно, что нѣкоторые полковники того времени имѣли, кромѣ фамиліи официальной, еще народную: таковы *Вологай* - Адамовичъ, *Костырь* - Лѣсницкій; а Филонъ *Чичай* вм. *Джеджелпй*. Преемникъ Сагайдачнаго гетманъ *Олиферъ Стеблевеуъ* и *Голубъ* — едно лице. Полковникъ *Ганжа* воспѣвается подъ именемъ Ивана *Бьды*. Другіе примѣры мы видѣли въ предыдущихъ думахъ.

То Хмельницькій тее зачувавъ , великую радость
 мавъ ,
 Съдою головою поклонъ оддававъ ,
 Слѣзы проливавъ.

Скоро пѣсля того ще й гѣрше Хмельницькій зне-
 могавъ;

Опрощенье зо всѣми пріймавъ ,
 Милосердному Богу душу оддавъ. —

Те не чорный хмары ясне сонце заступали ,
 Не буйный вѣтры въ темнѣмъ лузѣ бушовали :
 Козаки Хмельницького ховали ,
 Батька свого оплакали.

(Объ гетманствѣ Юрія Хмельницкаго и Ивана Выговскаго.) 119

А молодой Юрусъ пѣдъ Бѣлою-Церквою гуляе ,
 Объ смертѣ отцевскѣй не знае.
 Скоро лейтары до ёго прибували ,
 Листы подавали.

То Хмельниченко ¹²⁰ якъ прочитавъ ,
 Свѣта Божого не взвидавъ.

119. Это, безъ сомнѣнія, отрывки изъ особой, позабытой думы, слѣдовавшей непосредственно за думою на смерть Богдана.

120. *Хмельниченко*—сынъ Хмельницкаго (Тимофѣй, Юрій); а *Хмельниченко*—самъ Богданъ, называемый иногда уменьшительно въ знакъ любви отъ народа. Окончанія *енко* и *енько*—не одно и то-

То не багато Луговській гетьмановавъ :
 Пóвтора года булаву державъ.
 Скоро сотники, полковники прибували,
 Юруся Хмельниченка гетьманомъ поставляли.
 „Дай же, Боже!—козаки промовляли—
 За гетьмана молодого,
 Жити якъ за старого:
 Хлѣба, соли ёго ўживати,
 Города турецькѣ плѣндровати,
 Славы лицарсьтва козацькому вóйську доставати!“

19.

Объ Иванъ Коновченкъ. ¹²¹

1. На славнóй Украинѣ,
2. У славнóмъ городѣ у Корсунѣ,

же.—Иные неправильно склоняють эти и всѣ имена кончащіяся на *ко*, по склоненію женскихъ именъ. Еще несвойственнѣе стали иные причислять ихъ къ именамъ несклоняемымъ, наравнѣ съ *рококо*, *кликко*. Должно склонять ихъ по-прежнему, по-русски: *Сомко*, *Сомка*, *Сомку* и т. д.

121. Эту прекрасную думу объ Черкаскомъ витязѣ *Коновченкъ* я отношу къ 1684 году, когда въ западной или заднѣпровской Украинѣ, находившейся тогда опять подъ властью польскою, возобновилось козачество, и ходило своимъ ополченіемъ на Бѣлогородскихъ Татаръ, къ городу *Тягину* (нынѣ село Тягинка въ Херсон. губ.). Объ этомъ см. въ *Лѣтоп. Самовидца* и въ *Лѣтоп. Рубана*.—

Кликне, покликне Хвилоненко, Корсунській полковникъ :

„Годъ вамъ, панове-молодці, домовати!
Идѣте зо мною на Черкеню-долину гуляти,
Славы лицарства козацькому вѣйську достава-
ти!“ ¹²²

От-тогдѣ по городахъ не музики выгравали,
8 Осаулы вѣйськовий похажали,
Листы читали, козакѣвъ у походъ выкликали.

10 А хто буде панотцевого — промовляли —

11 Недѣлешнѣго обѣда дожидати :

12 Той буде Хвилоненка,

13 Корсунського полковника,

14 Въ шести миляхъ доганяти!—

У городѣ у Черкасѣ жила вдова старенька,
Мала собѣ сына Ивана вдовиченка Коновченка.
Вона тее перше ёго зачувала,

До - господы найскорѣйше прибувала, ¹²³

Усѣ коні изъ господы позсылала,

Все оружье у кѣмнату замыкала,

Къ дому Божому до церкви поспѣшала.

22 То Ивасъ одъ сна починае,

23 По хатѣ поглядае :

Въ собраніи г. Лукашевича есть другой, пространнѣйшій вариантъ этой думы, изъ котораго она можетъ пополниться нѣсколькими стихами.

123. *Господа*—домъ; *до-господы*—домой.

24. Ажъ нѣ одной шаблѣ булатной,

25. Пищали семипядной,

26. На стѣнѣ не мае!

27. У станю ухажаетъ:

28. А на станѣ нѣ одного

29. Коня вороного!

Вонъ неньку стареньку бѣля церкви доганяетъ,

30. Словами промовляетъ:

„ Не добре ты, мати, згадала,

Що всѣ кони изъ господы позсылала,

Все оружье у комнату замыкала!

А лучебъ ты, мати, зробила,

До города Крылова одѣздила,

Сто злотыхъ жиду-олондарю давала,

У нарядѣ добраго коня куповала,

Мене молодого въ походъ знаряжала!“

40. — Маешъ ты чотыри волы чабаныи,

41. Два кони отцевскіи вороныи:

42. Можешъ добре у Черкасѣ поживати,

43. Козакѣвъ на хлѣбъ на сѣль закликати!—

„ Що менѣ съ того, що буду я добре поживати,

Будуть мене козаки за хлѣбъ за сѣль поважати!

46. Тѣльки будутъ мене, мати,

На пѣдпитку гречкосѣемъ, домонтаремъ величати,

48. Коня мого прибудую называти!

И уже менѣ не подѣба по рѣльямъ спотыкати,¹⁵²

50. Жовтыхъ чобѣтъ каляти,

Дорогій сукні пыломъ набивати!

52. А хочеться менѣ, мати,
Пойти пѣдъ городъ Тягиню гуляти,
Славы лицарства доставати!“

55. То тее промовлявъ,
У неньки старенькойъ благословенья бравъ,
Изъ дому отцевського поспѣшавъ,
На Черкеню-долину съ козаками прибувавъ.—

Не ясенъ соколь на долину по табуру гуляе,

60. Не бѣлая лебедь спѣває;

61. Полковникъ Хвилоненко похожае,

62. Словами промовляє:

„Который-то, панове-молодці, козакъ дородный,
Ще й кѣнь пѣдъ нимъ воздобный,
Пойде зо мною на Черкеню-долину гуляти,
Славы лицарства козацькому вѣйську доставати?“

67. То Ивасъ Коновченко тее зачувавъ,

Напередъ всѣхъ благословенья прохавъ.

„Ты дитина, Ивасю, молода! полковникъ промов-
лявъ —

70. Нї на полъ, нї на моръ не бувало,

71. Смертї бїля себе не видало!

72. Якъ звычай козацькї познаешъ,

73. Лучче тогдѣ погуляешъ!“

„Не всѣ старї птицї высоко лѣтають,

Не всѣ старї щуки карасѣвъ хапають!

6. Трапляється, батьку, що крячя малее

7. Ловить рыбку краще нѣжъ старее!“

78 То Ивась промовлявъ ,
Съ полковникомъ на долину выѣзжавъ ,
Дванадцять Татаръ передъ мечъ принявъ ,

81 Шѣсть на арканъ звязавъ.

То полковникъ бусурмановъ принймае ,
Ивася Коновченка бѣля себе сажаетъ ,

84 Славу ёго выхваляетъ.

То Ивась великую радость мае ,

86 Словами промовляетъ :

„Благослови менѣ, батьку, оковитой¹²⁵ напиться!
Я не зарѣкаюсь зъ бусурманами ще лучше побиться!
ся!“

— Не велю я тобѣ, сыну, оковитой напивати ,
Да итти зъ бусурманами на долину гуляти !
Коди-жъ уже ты хочешъ ей напивати ,
То велю въ моёмъ наметѣ лягти спочивати ! —

93 „Сей менѣ хмѣль не буде заважати ,
А буде моему сердцю смѣлости додавати!“

95 То не вихоръ по Черкенѣ - долини гуляетъ ,
Не сизый ерель яструбовъ ганяетъ :
Вдовиченко Коновченко на воронѣмъ конѣ розѣ-
ѣзжаетъ ;
Мечемъ своимъ якъ блискавка сяетъ ;
Трѣхъ Татаръ-янычаръ съ коней збиваетъ .
Тогдѣ шаблю булатну опускаетъ ,

125. Оковитая — aqua vitae! — добрая водка.

Козакамъ лицарство свое выхваляе,
 Беспечно по долину розъѣзжае,
 Бусурмановъ на смѣхъ подымае. —
 То безбожнѣ бусурманы тее зачували,
 Напилого козака заразъ познавали,
 Бѣльше ёму поля гуляти попускали;
 Одъ табура козацького заразъ одбивали,
 Гнѣвомъ-Божимъ — саранчою на козака налѣ-
 тали,¹²⁶
 Шаблями, пистолями смертнѣ раны даровали;
 Тѣльки коня козацького не поймали.

То добрый кѣнь до табура прибѣгае,
 По куренямъ гуляе,
 Гострыми копытами землю копае;
 Смутно ржучи, козака свого выкликае.

То Хвилоненко тее зачувавъ,
 Изъ намета свого выступавъ,
 Словами промовлявъ:

„От-се вы, братця, не добре зробили,
 Що напилого козака гуляти пустили,
 Мовъ вы сами ёго зъ свѣта згубили!
 Добре вы дбайте, оружье направляйте,
 Бусурмановъ одъ тѣла козацького одбивайте!
 Бо ўже не даромъ козацькѣй кѣнь по табуру гуляе;
 Мабуть Ивася Коновченка на свѣтѣ немае!“

126. Гнѣвомъ Божимъ названа саранча по тому повѣрью, будто эти слова на ея крыльяхъ написаны еврейскими буквами.

125 То козаки тее зачували,
 На долину найскорѣйше поспѣшали,
 Бусурмановъ одъ тѣла козацького одбивали;
 Шаблями, надѣлками суходѣль копали,
 Шапками, приполами персть выбѣрали,
 Ивасю Коновченку могилу насыпали,
 131 У семипяднѣй пищали гремали,
 132 У суремки жалѣбно выгравали,
 133 Славу козацьку выхваляли.

Скоро пѣсля того стали козаки табуръ изнѣмати,
 У города христѣянскѣй уступати.

136 То вдова старенька,
 137 Мати Ивася Коновченка,
 138 Не у домъ ся мала:
 На базаръ солодкѣй медъ выставляла,
 Сына свого Ивася Коновченка выглядала.

141 Перва сотня наступае,
 142 Вдова сына не видае.
 Друга сотня вступа, самъ хоружѣй попереду йде,
 Два козака козацького коня на поводахъ веде.

145 Вдова тее забачала,
 146 Жалѣбный слова промовляла,
 Славы, смертѣ сына свого пытала;
 Всѣхъ козакѣвъ на хлѣбъ на сѣль закликала;
 Похороны и весѣлье Ивасю отбувала;
 Полковнику козацького коня даровала,
 Старшимъ шаблѣй, пищали Ивася роздавала.—

- 152 Полягла козацька молодецька голова,
 153 Якъ одъ вѣтру на степу трава;
 154 Слава не ўмре, не поляже,
 155 Лицарсьтво козацьке всякому роскаже!...

20.

*О Палъ и Мазепъ.*¹²⁷

Шведьского року несчастливого лѣта,
 Не одна то душа христіянська безневинно поїшла
 зъ сѣго свѣта!

То тогдѣ-то у городѣ у Лебединѣ
 Царі и князі великимъ всѣ дивомъ дивовали,
 Одинъ до единого словами промовляли:
 „Про що-то, панове, у землѣ христіянськѣй не
 стало порядку ставати?“
 Про то, панове, що стали проклятыи бусурманы
 христіянъ братами называти!—

„Хто-жъ тее зачинавъ?“

— Начинавъ тее проклятыи Мазепа,
 Якъ Искру й Кочубея безневинно самъ зъ сѣго
 свѣта зогнавъ,

Семена Палѣя на Сибирь завдавъ. —

127. Событія Шведской войны и Полтавской побѣды такъ извѣстны, что я считаю лишнимъ пояснить эту думу и указывать въ ней нѣкоторыя неточности историческія. Она любопытна собственно по взгляду народному на *Палѣя* и *Мазепу*: первому— все добро, и вся слава; второму все зло и безславіе!

То царіи и князіи единый до единого словами про-
мовляли;
Да Семена Палѣя зъ Сибиру на Москву высылали.

Скоро - то ставъ Семень Палѣй,
Великимъ постомъ, весняною погодою,
До Бѣлого Царя на столицю прибувати.
То свѣтъ праведный Государь велику радость мае,
Що до себе великого лицаря Семена Палѣя у гости
сподѣвае.

То Мазепа тогдѣ якъ почувъ,
Що ёго проклятого Мазепу лихо доганяе,
До короля шведського таки рѣчи промовляє:
„Королю шведській, добродѣю, найяснѣйшій мой
пане!

Чи будемъ мы бѣльше города Полтавы доставати,
Чи будемъ съ-пѣдъ города, съ-пѣдъ Полтавы утѣ-
кати?

Бо не дурно Москва стала насъ кругомъ осту-
пати;

Бо ѱ Семена Палѣя хочъ и не великое вѣйсько
охотнее,

Тѣльки одна сотня;

А буде нашу тысячу гнати й рубати;

Буде намъ великимъ панамъ великій страхъ за-
вдавати!“

То король шведській тее зачувае,

Словами промовляє:

„Мазепо, безумная главо! чи ў мене вѳйсько не збройне?

Чи ў мене вѳйсько не панцырне?

Да я ще тую Москву могу сѳкти й рубати,
Ще не зарѳкаюсь у Бѳлого Царя й на столицѳ
побувати!“

Скоро ставѳ Палѳй Семень,

На святого отця Миколая,

Изѳ Шереметомѳ Борисомѳ Петровичомѳ пѳдѳ
Полтаву прибувати;

То ставѳ король шведськїй изѳ Мазепою тайно
ўтѳкати,

На царськихъ людей ўдаряти.

Много царськихъ людей побивали;

А ў городѳ у Батуринѳ мужикѳвъ да жѳнокѳ у пенѳ
сѳкли да рубали,

Церкви палили, святстї да иконы пѳдѳ ноги топ-
тали,

Плиты справляли,

На той бѳкъ Днѳпра утѳкали.

То Семень Палѳй пѳдѳ Полтаву прибуває,
Сѳче й рубає, на всѳ стороны якѳ половину метає.

До Днѳпра прибуває, на той бѳкъ Днѳпра поглядає,
Що король шведськїй изѳ Мазепою на томѳ боцѳ

Днѳпра похожає.

То вѳнѳ - то мечемѳ махає,

Словами промовляє:

„Помоли ты, Мазепо, за мене Бога, що я тебе
не догнавъ :

Альбо-бъ посѣкь, альбо порубавъ,
Альбо живьемъ на вѣчну каторгу завдавъ!“

—

Земле, земле христiянсько!

Егда ты була смутками и печальми наповнена,
Не знала, де родина обь родинѣ промышляе!

Дай, Боже, честь и хвалу

Свѣтъ праведному Государю!

Да й Семену Палѣю, превеликому пану,

Що не давъ Шведу христiянѣ на поталу!

Ой дай, Боже, усѣмъ христiянамъ многiя лѣта,

Да счастливого прожитiя у сѣмъ свѣтѣ!

СБОРНИКЪ
УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПѢСНИ

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ И МАТЕРИНСКІЯ.

ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

Считаю приличнымъ начать женскія украинскія пѣсни съ *колыбельныхъ*. Ихъ напѣвы первые напечатлѣваются въ душѣ младенца, и даютъ первое ей музыкальное настроеніе.— Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень можно признать за непосредственное выраженіе самой матери; другія сложены нянями.

21. ¹²⁸

Ой спи, дитя, безъ сповитья,
Поки мати съ поля прійде,
Да принесе три квѣточки:
Одна буде дрѣмливая,
Друга буде сонливая,
А третяя счастливая.
Ой що-бъ спало — счастья мало,
Да що-бъ росло — не болѣло,
На серденько не скорбѣло!
Ой рѣсточки у кѣсточки,
Здоровьячко на сердечко,
Розумъ добрый въ головоньку,
Соньки - дрѣмки у вѣченьки!....

128. Въ этой пѣсни слышенъ голосъ молодаго материнскаго сердца.— Первый стихъ поютъ еще такъ:

„ Ой спи, дитя, да до пѣвдня! “

22. ¹²⁹

По - надъ моремъ-Дунаемъ
 Вѣтеръ яворъ хитае,
 Мати сына пытае:
 „Ой сыну мой Иване,
 Дитя мое кохане!
 А чи тебе оженить,
 Чи у вѣйсько урядить?...
 Якъ я тебе колыхала,
 Усю нѣченьку не спала;
 Якъ я тебе зростила,
 Сама себе звеселила;
 Якъ я тебе оженю,
 Всю родину звеселю;
 Якъ я тебе въ вѣйсько дамъ,
 Собѣ жалю я завдамъ!“
 „Мати-жь моя рѣдная,
 Порадонько вѣрная!
 Исправъ менѣ три трубы,
 Да й усѣ три мѣдяны;
 А четвертую трубу
 Исправъ менѣ золоту!
 У одну трубу заграю,
 Якъ коника сѣдлаю;
 А въ другую заграю,

129. Козачка, надъ колыбелю сына, воображаетъ себѣ предстоящую ему жизнь, и саряженъе его въ войско, и разлуку съ нимъ.

На коника сѣдаю ;
 А въ третюю заграю ,
 Съ твоего двора зѣзжаю ,
 А въ четверту затрублю ,
 Середъ войська стоячи
 И шабельку держучи ,
 Що - бѣ зачула матуся ,
 До утреней идучи ,
 Якъ голубка гудучи ! “

Ой сыне-жѣ мой Иване ,
 Дитя мое кохане !

Ой коли-бѣ же я зозуля ,
 Я-бѣ до тебе полинула !
 „ Якъ-бы мати, я соколъ ,
 Я-бѣ до тебе прилетѣвъ ! “

Рости-жѣ , сынку, въ забаву,
 Козачеству на славу,
 Вороженькамъ въ расправу !

23. ¹³⁰

Ой у полѣ лобода ,
 Тамъ ходила удова ,
 Зѣ маленькою дитиною .
 Де ся взявъ Татаринъ

130. Вдова, надъ колыбелью дитяти ; вспоминаетъ о своемъ добромъ мужѣ.

Стыдкій, брыдкій, поганый;
 Хоче вдову зарубати,
 Собѣ дитину забрати.
 Не рубай мене, Татаринъ,
 Стыдкій, брыдкій, поганый!
 Поведи мене до батенька въ двѣръ,
 Батько выкупить мене!
 Да повѣвъ ей до батенька;
 Батько каже: не моя! —
 Ой лихая година моя!
 Одцуралась родина моя!

Ой у полѣ лобода,
 Тамъ ходила удова,
 Зъ маленькою дитиною.
 Де ся всявъ Татаринъ
 Стыдкій, брыдкій, поганый;
 Хоче вдову зарубати,
 Собѣ дитину забрати.
 — Не рубай мене, Татаринъ,
 Стыдкій, брыдкій, поганый!
 Поведи мене до свекра у двѣръ,
 Свекоръ выкупить мене!
 Повѣвъ ей до свекорка;
 Свекоръ каже: не моя! —
 Ой лихая година моя!
 Одцуралась родина моя!

Ой у нолъ лобода,
 Тамъ ходила удова,
 Зъ маленькою дитиною.
 Де ся взявъ Татаринъ
 Стыдкй, брыдкй, поганый;
 Хоче вдову зарубати,
 Собъ дитину забрати.
 — Не рубай мене, Татаринъ,
 Стыдкй, брыдкй, поганый!
 Поведи мене до милого въ двѣръ,
 Милый выкупить мене!
 Повѣвъ ей до милого;
 Милый сказавъ: се-жъ моя! —
 Ой добрая-жъ годионька,
 Не цуралась родионька!

24. ¹³¹

Мати сына колыхала,
 Дня и ночй не доспала:
 Да думала добрый буде,
 Що вѣнь мене не забуде.
 Ажъ вѣнь самый пьяниченька
 Й великая ледащиченька!
 Де медъ чуетъ, тамъ ночуетъ;

131. Мать, выгнанная изъ дому своимъ сыномъ - гулякою, въ чужомъ дому служить нянкою; и поетъ пѣсню про свое горе. Изъ этой пѣсни бандуристы сложили прекрасную думу *Мать и дѣти*.

Де горѣлку, то тамъ днюе ;
 Въ корчму иде, выгукуюе;
 До - дому йде, бенкетъ веде ;
 Свою неньку зневажае,
 Зъ двора ей выганяе.

„ Да йди, нене, прѣчь одъ мене!
 Будуть, нене, гости ѱ мене,
 То й не треба тебе ѱ мене!
 Будуть кумы, побратимы,
 И близькій сусѣдоньки ;
 Будуть кумы у жупанахъ,
 Побратимы у луданахъ,
 Сусѣдоньки въ кармазинѣ,
 А ты, мати, въ сѣрячинѣ! “

Пѣйшла мати тыняючись,
 По - пѣдъ тынью валяючись.
 Пѣйшла мати да плачучи,
 Свого сына проклинаячи.

—Що - бѣ ты, сыну, счастья не мавъ,
 Що ты мене зъ двора прогнавъ!
 Де хаточка тепленькая
 И дитина маленькая,
 Пѣйду туда ночовати
 И дигины колыхати!

Ой пѣйшовъ сынъ блукаючи,
 Матусеньки шукаючи.

„ Ой лихая годионька,
 Одцуралась родинонька ;

Одцурались мене кумы,
 Мой кумы, побратимы,
 И близькій сусѣдоньки!
 Да йди, нене, зновъ до мене!
 Буду тебе поважати,
 Буду тобѣ постѣль слати,
 Буду тебе укривати!
 Чи мяккая постѣль моя,
 Чи мякко я пославъ тобѣ?

— Ой мяккая постѣль твоя;
 И мякко - жъ ты пославъ менѣ,
 И легенько одѣвъ мене! —

25.

Сонъ. ¹³²

Ой ходитъ сонъ по улоньцѣ,
 Въ бѣлесенькѣй кошулоньцѣ;
 Слоняется, тыняется,
 Господоньки пытается.

132. Эту прекрасную пѣсенку поютъ и въ такомъ видѣ:

Ой ходитъ сонъ коло вѣконъ,
 А дрѣмота коло плота.
 Пытается сонъ дрѣмоты:
 Де будемо ночовати? —
 Де хатонька тепленькая,
 Де дитина маленькая!

„А де хатка теплѣсенька,
 И дитина малесенька:
 Туда пойдѣ ночовати
 И дитины колыхати!“
 —А ў насъ хата тепленькая
 И дитина маленькая;
 Ходи до насъ ночовати
 И дитины колыхати!
 Ходи, сонку, въ колысочку,
 Приспи нашу дитиночку!...

26.

Котъ. ¹³³

А, а, коте!
 Дитина спать хоче;
 Ой хоть, хоче, да не спить,
 Треба кота дубцемъ битъ!

* * *

А, а, котино!
 Засни, мала дитино!
 Ой на кота воркота;
 На дитину дрѣмота!

132. Котъ издревле на Руси считается *баюномъ* и сказочникомъ. Вотъ цѣлый рядъ колыбельныхъ пѣсенокъ объ котѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, сложены дѣвочками, которымъ обыкновенно поручается убаюкивать и тѣшить своихъ маленькихъ сестеръ и братьевъ.

Ой на кота все лихо;
 Ты, дитино, спи тихо!
 Ой кѣтъ буде воркотати,
 Дитиночка буде спати!

* * *

Ой кѣтъ, воркѣтъ,
 Да на вѣконечко скѣкъ;
 А зъ вѣконця въ хижку.
 Поймавъ котикъ мышку,
 Кинувъ у колыску;
 Мышка буде грати,
 Котикъ воркотати;
 Дитя буде спати
 И счастьячко мати!

* * *

Пѣйшовъ котокъ на торжокъ,
 Купивъ собѣ кожушокъ.
 Треба съ кота зняти,
 Да дитинцѣ дати,
 Що-бъ тепленько спати!

* * *

А, а, котку!
 Не лѣзь на колодку,
 Бо забьешъ головку;
 Да буде болѣти,
 Нѣчимъ завертѣти.
 Одна була хустина,

Да й ту дѣти ўкрали,
 На куклы подрали;
 Кукольъ наробили,
 Кутокъ засадили.

* * *

А, а, люлі!
 А котові дулі,
 А дитинѣ калачі,
 Що-бъ спала въ день и въ ночі!

* * *

А, а, коточокъ!
 Укравъ у бабы клубочокъ,
 Да понёсъ до Галі,
 Положивъ на лавѣ.
 Стала Галя котка битъ:
 Не ўчись, коте, красти,
 Да ўчися робити,
 Черевички шити!
 Да не дорогій,
 По три золотій;
 Да не сѣхъ шевцѣвъ,
 Переяславцѣвъ;
 Да не сѣго ременю,
 Привезено съ Кременю;
 Не сїей работы,
 Привезены чоботы;
 Да не наській,
 Да черкаській.

А, а, коточокъ!
 Заховався въ куточокъ,
 Поймавъ собѣ мышку,
 Да зъѣвъ у затишку.

* * *

Коте сѣрый,
 Коте бѣлый,
 Коте волохатый!
 Не ходи по хатѣ,
 Не буди дитяти:
 Дитиночка буде спати!

27.

А, а, люлечки!
 Шовковый вѣрвечки,
 Золотый бильця,
 Сребны колокольця,
 Малёвана колысочка:
 Засни, мала дитиночка!

28.

А, а, гойда!
 Чужа мати пойда;
 А наша панй,
 Ходить у жупанѣ!

29. ¹³³

Трясѣтесея, рубцѣй! ¹³⁴

Дивѣтесея хлопцѣй:

Якъ сука робить,

Такъ вона ѣ ходить!

* * *

Чуки - чуки, до мачухи!

А ѣ мачухи млинцѣй печуть,

И маслицемъ помазуютъ;

Хлопцямъ дулю показуютъ.

133. Этѣ пѣсенки припѣвають, когда тѣшатъ дѣтей на рукахъ, подкидывая вверху.

134. *Рубцы* — т. е. рубища (пеленки). Ведетсея донынѣ повѣрье у матерей, что для дитяти до году не должно шить ничего изъ новой ткани.

ПѢСНИ МАТЕРИНСКІЯ.

Вотъ нѣсколько пѣсень изъ числа тѣхъ, которыя можно признать за непосредственное выраженіе самой матери.

30 ¹³⁵

ВАСИЛЬ
АТАМАНЮК

Ой мала вдова сына сокола,
Выговодвала, въ вѣйсько оддала.
Ой старша сестра коня сѣдлала,
А середульша хустку качала,
А наймолодша выпроважала;
А мати ёго вышывовала:
— Сыну мѡй, коли прѣдешъ до насъ? —
„Тогдѣ я, нене, прѣду до васъ,
Якъ павине пѣрье наспѡдъ потоне,
А млиновыи камѣнь наверхъ выплыне!“
Уже-жъ млиновыи камѣнь наверхъ выплынувъ,
Уже й павине пѣрье наспѡдъ потонуло;
А ще мого сына въ гостину не видно!
Выйшла на гору: ой всѣ полки йдутъ;

135. Эта думка или баллада украинская должна быть очень давняя. Она сложена, конечно, матерью.—Примѣчательно въ ней изображеніе невозвратности—павлинымъ перомъ и мельничнымъ камнемъ. Оно напоминаетъ, какъ еще во времена Владиміровы, говорили богатырю Добрынь Волжскіе Болгары: „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути!“ (изъ Лѣтоп. Нестора).

То мого сына коника ведутъ!
 Пытала вона всей старшины:
 Чи не бачили сына сокола?
 „Чи не то твоѣй сынъ, що сѣмъ полкѣвъ ѹбивъ,
 За восьмымъ полкомъ головку схиливъ?
 Зозуля лѣтала, надъ нимъ куючи;
 А коники ржали, ёго везучи;
 Колеса скрипѣли, пѣдъ нимъ котючись;
 Служеньки плакали, за нимъ идучи.“

31.

Ой добрая годионька була,
 Якъ матуся свого сына била;
 А вѣнъ же ёѣ покорився,
 Да у нѣженьки поклонився:
 „Ой якъ будешъ мене, мати, бити;
 То не буду на Украѣнѣ жити!
 Ой пѣйду я съ туги на чужину;
 И тамъ же я, мати, не загину!“
 —Ой вернися, мѣй сыну, вернися,
 Да въ голубый жупанъ приберися!
 Подивлюся, мѣй сыну, на тебе:
 Чи е такѣй козакъ на Украѣнѣ,
 Якъ ты ѹ мене, мѣй сыну ѹродливый?
 Ой не жалкуй, мѣй сыну, на мене;
 Не дай, Боже, пригоды на тебе!
 Якъ ты будешъ пострелянъ, порубанъ,
 Ой хто-жъ тобѣ раноньки промые?

„Въ полѣ, мати, дрѣбенъ дощикъ иде:
Ой той менѣ раноньки промые!“

— Ой не жалкуй, мѡй сыну, на мене,
Не дай, Боже, пригоды на тебе!
Якъ ты будешъ въ степу помѣрати,
Ой хто-жъ тобѣ головку оплаче?

„Въ полѣ, мати, чорный воронъ кряче:
Ой той менѣ головку оплаче!“

32.

Ой мандровавъ молодой козакъ, да мандровавъ
стиха;
Вѡнъ не зъ добра, не зъ роскошѣ, а зъ великого
лиха!
Якъ мандровавъ, шапочку знявъ, всѣму роду укло-
нився;
Якъ изыйшовъ на битый шляхъ, да слѣзоньками
ўмывся.
Ой не плачте вы, карѣй очѣ, одъ роду мандруючи;
Заплачете вы, карѣй очѣ, на чужинѣ горюючи!
Ой не ржи ты, вороный коню, зъ двора ѣдучи;
Заржи ты, вороный коню, на круту гору идучи:
Нехай зачуетъ моя ненька, безъ мене горюючи!

А ненька зачула, важенько здыхнула:
Ой гаю - жъ мѡй, гаю! ой гаю - жъ мѡй, гаю!
Котору дитину кохала, любила, край себе не маю!

53.

Ой не шуми, дубрѣвонько, ой не шуми, зеленая,
А у три ряды сажена!

Черезъ тебе, дубрѣвонько, черезъ тебе, зеленая,
Протоштана дорѣженька.

Туды ишла стара мати — сильне плаче и рыдае,
Слѣзми моря доповняе.

Не плачь, не плачь, стара мати! слѣзми моря не
доповнишь,
Сына зъ вѣйска не вызволишь!

34.

Ой у полѣ озеречко,
Тамъ плавало вѣдеречко,
Тамъ козаки молодой
Кониченьки наповали.

Коні иржуть, воды не пьютъ,
Воны на себе походъ чуютъ.

„Коли-бъ же вы, вороной коні, а походу не схо-
дили,

Якъ вы мою головоньку а навѣки утопили!

Утопили головоньку у чужую стороньку,

У чужую стороньку, да на чужионьку!“

Злетѣвъ пѣвень на ворота, да й сказавъ: кукурѣку!

Не сподѣвайсь, мати, сына съ походу ўже довѣку!

— Да коли-бъ же я зозуленька, то-бъ я собѣ криль-
 ця мала ;
 Ой стрепенулася, полинула-бы, а до свого сына
 Йвана ;
 То-бъ я свого сына Йвана и у гробѣ познала !
 Злетѣла-бъ я на могилу, да й сказала-бъ я: куку !
 Ой сыну мѡй Ивашечку, подай бѣлу руку ! —

„ Ой радъ бы я, моя мати, обѣ - двѣ подати :
 Насыпано сырої землї да на грудоньки менѣ ,
 Склепилися карї очї , охъ , и устоньки мой ! “

35.

Чи се тая удѡвонька, що на углѣ хата ;
 Хорошую мае дочку, сама небагата ?....
 Ходить козакъ по улицѣ, нѣчимъ замутиться :
 „ Добри - вечѡръ, матусенько, дай воды напиться !
 Пусти дочку на улицу хоча подивиться ! “

Стойть вода у кубочку, коли хочъ, напїйся !
 Сидить дочка ў вѡконечка, такъ ты й подивися !
 Не для того, козаченьку, дочку годовала,
 Що-бъ я ёе на улицу гуляти пускала.
 Годовала собѣ дочку для своей пригоды,
 Що-бъ принесла изъ крыницї холодной воды.
 Згодовала, згодовала, да й намалёвала,
 Дала я ёй счастья й долю, а що-бъ пановала !

36.

„Ой дбай, мати, дбай, да дочку за-мужъ дай;
 Ой не дай мене за пьяницу, бо менѣ ўроды жаль!
 Бо моя урода, якъ повная рожа:
 И на личеньку румяненко, и на стану гожа!“

— Ой доню моя,
 Угадай же сама;
 Угадай, выбѣрай,
 Своей красы не теряй,
 Бо ще молода!—

„Ой мати моя,
 Ой гадала - жъ я;
 Да не ўгадала,
 Свою красоньку ўтеряла,
 Хоть я й молода!“

— Ой дивно - жъ, дивно,
 Дочки не видно:
 Утопила - жъ я свою доненьку
 Въ крыницю глыбоченьку.....

Въ крыницѣ на днѣ холодна вода;
 Утопила-жъ я доненьку, хоча й молода!—

37. ¹³⁶

Да по заростають стежечки й дорѣжечки,
 А де походили мой бѣленьки нѣжечки!

136. Эта пѣсня, по содержанию, сходна съ тѣми свадебными, которыми въ недѣлю, передъ разлукою матери съ дочерью, завдають жалю имъ обѣимъ. Но напѣвъ этой пѣсни не свадебный.

Да позаростають шовковою травою,
 А де походили, матѣнко, изъ тобою!
 Да будешь, матѣнко, травицю прогортати;
 Да будешь, матѣнко, слѣдочки познавати!
 Да будешь, матѣнко, до слѣду припадати,
 Що нѣкому буде головки обыськати!
 Да будешь, матѣнко, якъ голубонька густы,
 Що нѣкому буде водицѣй принести! —

38.

Въ недѣлоньку рано, якъ сонечко грало,
 Выряжала мати дочку въ чужу стороночку.
 Не плачь, не плачь, мати! не плачь не журися;
 Ой якъ выйдешь на битый шляхъ, слѣзоньками
 ўмыйся!
 Слѣзоньками ўмыйся, рукавцемъ утрися;
 А за мною молодою, мати, не журися!“
 — Охъ идешь ты, доню, мѣжъ чужій люде:
 Ой хто-жъ тебе, доню моя, жаловати буде? —
 „Да пожалують, мати, мене добрій люде:
 Робитиму, годитиму — добре менѣ буде!“

39.

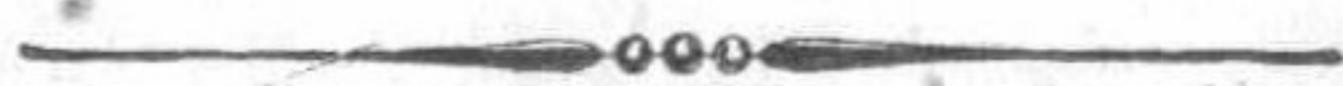
Ой мала я журитися, нехай на петрѣвку!¹³⁷
 Да заберу дѣтей въ торбу, пойдю у мандрѣвку!

137. *Нехай на петрѣвку*: это пословица.

Ой дѣти мой, дѣти, маленькій пташки!
 Да вы-жъ менѣ въ злѣй годинѣ, ни мало не важки!
 Ой васъ, мой дѣти, на свѣтѣ не - скѣлько:
 Усѣхъ - бы - то на - всѣхъ — тѣлько двадцятѣрко!
 Ой чотырѣ старшій сыны — орутъ нивы въ полѣ;
 А чотырѣ малы сыны — сидятъ собѣ въ домѣ:
 А десятокъ дочокъ на - досвѣтки ходятъ; ¹³⁸
 А ще двоухъ годую — у некруты вхоплятъ!

40. ¹³⁹

Чи се тый чоботы, що зять давъ;
 А за тый чоботы дочку взявъ?
 Чоботы, чоботы, вы мой!
 Чомъ не хочете робити менѣ!
 На рѣчку шли чоботы, рипали;
 А зъ рѣчки шли чоботы, хлыпали.
 Чоботы, чоботы изъ бычка!
 Не хочете робить дѣла, якъ дочка!

138. *Досвѣтки* — посидѣлки. Объ нихъ подробнѣе будетъ сказано при пѣсняхъ *досвѣтзаныхъ*.

139. Выдавая за-мужъ свою дочь, мать получаетъ за нее отъ зятя пару сапоговъ; и потому они имѣютъ для нея важное значеніе. Подгулявши на *бесѣдѣ*; мать поетъ эту пѣсню почти всегда сквозь слезы.—

ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОМЪ ВЫГОВОРѢ.

1. Букву *ь* произносите всегда какъ острое или тонкое *и*.
Написано: *возьмѣте*, *собѣ*, *хлѣбѣ*, *ѣйте*; читайте: *возьмите*, *соби*, *хлибѣ*, *иште*.

2. Когда буквы *и*, *і*, написаны съ наеркомъ (\hat{u} , \hat{i}) тогда должно выговаривать ихъ остро или тонко (напримѣръ въ словахъ: *іхъ*, *коні*, *сині*). Но когда буквы *и*, *і*, стоять безъ наерка, тогда онѣ выговариваются наравнѣ съ *ы*, но не такъ дебело какъ великорусское *ы*, котораго совсѣмъ нѣтъ въ украинскимъ выговорѣ. (Мы, ходили, тихій: здѣсь *ы*, *и*, *і*, одинъ и тотъ же звукъ — легкое *и*, почти неизвѣстное великорусскому выговору).

3. Всѣ гласныя буквы написанныя съ наеркомъ (\hat{a} , \hat{e} , \hat{o} , \hat{y}) выговаривайте какъ тонкое *и* (край, камѣнь, конь, за-мужъ: крий, камнй, кнй, за-мижъ).

4. Букву *е* тогда только выговаривайте какъ *іо*, когда она надписана двоеточіемъ (\ddot{e}).— Въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ, буква *е* выговаривается остро. Послѣ согласныхъ она большею частью имѣетъ дебелый выговоръ. (Слѣдовало бы тогда и писать ее ϵ , въ отличіе отъ тонкаго или остраго *e*).

5. Когда *у* сокращается въ полугласный звукъ, похожій на *в*, тогда пишется $\overset{\circ}{y}$ (да $\overset{\circ}{y}$ же, на $\overset{\circ}{y}$ чились).

6. Когда послѣ буквъ *л*, *н*, *д*, *т*, *с*, *з*, *ш*, написанъ *ь* и потомъ гласная буква, тогда эти согласныя удвояются; напримѣръ: *рѡля*, *коханье*, *судья*, выговариваются: *риляля*, *коханья*, *судья*.

О П Е Ч А Т К И.

Страница	Строки :	Напечатано :	Читайте :
4	14	1574	1564
6	5	1637	1638
16	3 снизу	уселѣ	у селѣ
49	2 снизу	краковѣ	Краковѣ
55	26	Богунѣ	Богунѣ
57	20	1637	1638
65	13	ихъ	ѣхъ
67	2	Курсунскую	Корсунскую
64	18	Чигиринскій	Черкасскій
77	2	валѣ	вали
96	1 снизу	саряженье	снаряженье
98	21	у	въ
102	15	хоть, хоче	хоть хоче

КМ-159